

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

№ 2(23)

2013

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2013
№ 2(23)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский государственный
университет

Издается с 1997 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

П.С. Кабытов

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

А.Н. Завальный
(заместитель главного
редактора)

Н.Н. Кабытова

И.А. Носков

П.И. Савельев

Ю.Н. Смирнов

- © Самарский государственный университет, 2013
- © Оформление. Издательство «Самарский университет», 2013
- © «Самарский земский сборник», 2013

Ответственный секретарь
Э.Л. Дубман

Художественный редактор
Л.В. Крылова

Компьютерная верстка, макет
Л.Н. Замамыкиной

Подписано в печать 17.10.2013. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 16,1; уч.-изд. 11,5.
Гарнитура «Newton». Тираж 150 экз. Заказ
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1, тел. 334-54-23.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Медиа-Книга»,
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1. Тел. +7 (846) 2673682.
E-mail: izdatkniga@yandex.ru

**ЗВАНИЕ
«ЛАУРЕАТА
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
И НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК»**

В 2012 году редакционной коллегией журнала «Самарский земский сборник» было учреждено звание «Лауреата общественно-политического и научного журнала «Самарский земский сборник». Звание присваивается за вклад в изучение российской истории и истории Самарского края. Звание лауреата в ноябре 2013 г. было присуждено доктору исторических наук, профессору, почетному работнику высшей школы РФ Кабытовой Надежде Николаевне.

Медальером Вячеславом Агафоновым изготовлена медаль «За вклад в изучение Самарского края», которая была вручена Кабытовой Н.Н. на пленарном заседании XIX Всероссийских Платоновских чтений 7 декабря 2013 г.

П.С. Кабытов, Е.П. Баринава*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ВОССОЗДАНИЯ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Аграрная история России XX веков: историография и источники»), проект № 13-01-00081

протяжении веков дворянская усадьба являлась центром экономического и культурного развития окружающих территорий. Ее история и зачастую трагическая судьба волновали как современников, так и потомков. Описания усадеб широко представлены в мемуарах, литературных произведениях. С усадебной культурой тесно связаны различные виды искусств и народное творчество. Интерес к ней в настоящее время проявляется многообразно: проводятся научные конференции, книжные и художественные выставки, действует Общество изучения русской усадьбы, издаются специальные номера журналов, проводятся усадебные празднества.

Приметы бывших дворянских усадеб за прошедшие десятилетия XX века почти повсеместно изгладились даже в ландшафте. Редкий специалист может различить старые стены в уродливых совхозных постройках, остатки парковых аллей и полян в заросшем лесу. Гигантское количество усадеб, разбросанных когда-то по всем губерниям Отечества, сократилось в десятки тысяч раз. В советское время на их территориях размещались интернаты, хозяйственные постройки, коровники. В редчайших случаях создавались музеи.

Мир дворянской усадьбы как особое культурное явление в России нашел отражение не только в художественных литературных произведениях, но и в трудах отечественных историков, архитекторов, искусствоведов. Исследованию подверглись различные аспекты дворянских усадеб: архитектура и устройство помещичьего дома; ведение хозяйства в имениях; культура повседневности дворянства.

Первые издания с описанием жизни в дворянских усадьбах появились в 1880-е гг., они отличались фрагментарностью и эклектичностью. В их числе – популярная в образованном обществе того времени книга С.М. Любецкого о подмосковных имениях, в которой была дана характеристика быта «московских писателей дедовских и наших времен», описывались не только барские дома, но и «земледелие и сады» на усадебной территории¹. В начале XX века в связи с убылью дворянского землевладе-

* © Кабытов Петр Серафимович, кафедра российской истории Самарского государственного университета.

Баринава Екатерина Петровна, кафедра социально гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Самарского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета.

ния, нарастающей конкуренцией со стороны купечества в периодической печати и публицистике появлялись крайне эмоциональные статьи и заметки, пронизанные идеями о близящейся гибели сословия и разорении дворянских усадеб. В петербургских журналах «Старые годы» (1907 – 1916), «Столица и усадьба» (1913 – 1917) публиковались очерки, путевые заметки, мемуары, стихи, большое количество фотографий и рисунков, посвященные тяжелому состоянию русской усадьбы². Внимание исследователей акцентировалось на культурном значении русской усадьбы, эстетике усадебной культуры³. Особое внимание уделялось дидактическому значению усадьбы как примера для воспитания патриотизма, понимания красоты и поэзии родной природы, любви «к отеческим гробам»⁴.

В 1922 г. группа подвижников и энтузиастов, поставив своей задачей спасти остатки уже сильно разрушенной архитектурно-парковой культуры, образовала Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ) во главе с искусствоведом В.В. Згурой. Специалистами этого общества были разработаны основные принципы изучения русской «классической» дворянской усадьбы в историческом, художественном, архитектурном, садово-парковом, бытовом и других направлениях. Предметом изучения специалистов были архитектурные и садово-парковые ансамбли, коллекции предметов изобразительного искусства, библиотечные собрания. После закрытия ОИРУ в течение долгих лет деятельность усадебоведов была сведена к заботам о сохранении тех музейно-усадебных комплексов, которые чудом избежали варварского разрушения. Свертывание работы ОИРУ было обусловлено массовыми арестами его членов в начале 1930-х гг. С этого момента искусствоведческое направление в изучении дворянских усадеб прерывается.

Новая волна интереса к изучению темы проявилась в 60-80-е гг. XX в., когда советской наукой были «реабилитированы» архитектурные стили начала XX века. Именно тогда вышел в свет ряд значительных работ группы искусствоведов: Т.П. Каждан⁵, В.Г. Лисовского⁶, Е.А. Борисовой⁷, В.В. Кириллова⁸, Е.И. Кириченко⁹ и др. В них исследователи пытались охарактеризовать памятники архитектуры как часть духовной жизни обитателей усадебных комплексов. Историки архитектуры, авторы книг и статей о садово-парковом искусстве наметили глубокие связи дворянской усадьбы с общекультурными процессами в стране. Вклад в разработку этой проблемы внес Д.С. Лихачев исследованием 1982 г. о садово-парковых стилях, основываясь на материале элитарных усадеб, демонстрируя принадлежность садов и парков определенным стилям в искусстве: «В каждую эпоху мы можем заметить определенные признаки «стиля эпохи», которые в равной мере сказываются в садах и в поэзии, подчиняются эстетическим целям эпохи...»¹⁰.

В равной мере указанные подходы характерны для трудов рубежа XX – XXI вв. Т.П. Каждан¹¹, В.М. Нащекиной¹² и других участников воссозданного в 1991 – 1992 гг. Общества изучения русской усадьбы¹³. Общество развернуло активную деятельность по изучению усадебной тематики, издавая специальные сборники «Русская усадьба», организуя научные конференции, участвуя в создании художественных центров и школ.

В монографии Т.П. Каждан рассмотрен художественный мир русской усадьбы, взаимодействие в ней разных видов искусства, общественной и культурной жизни¹⁴. Совместная работа Е.И. Кириченко и Е.Г. Щеболевой¹⁵ знакомит нас с обликом русской провинции на обширном пространстве России, анализируя через призму архитектурно-градостроительного наследия своеобразие русского села, города, усадьбы в разные эпохи. В коллективной монографии «Архитектура русской усадьбы»¹⁶ представлена эволюция усадебного жилища, типы и жанры усадебных комплексов, теоретические подходы к проблеме. В исследовании М.В. Нащекиной¹⁷ усадьба рассмотрена как феномен культуры эпохи символизма, где особое внимание обращено на образ жизни ее обитателей, характерное устройство жилища и сада, а также на наиболее популярные в то время архитектурные образы, воплощенные в усадебных домах и храмах. В данных исследованиях облик дворянского поместья рисуется на примере единичных уединенных «гнезд».

Современный этап развития российской историографии характеризуется всплеском все возрастающего интереса к личности и деятельности отдельных дворянских лидеров, отказом от многих стереотипов и догматических представлений при оценке его деятельности. В конце XX – начале XXI века резко увеличилось количество исследований, посвященных вопросам генеалогии и геральдики¹⁸, судьбе отдельной дворянской семьи в истории России¹⁹. Авторы этих работ стремятся проследить жизнь и судьбу личности, особенности психологии и поведения, показать не только общественный, но и человеческий облик дворянина. Появились многочисленные исследования по истории психологии, культурной и бытовой жизни дворянства. В них рассматриваются эволюция экономического, правового, политического статуса, влияние этих характеристик на менталитет, пути адаптации высшего сословия к трансформации российского общества²⁰.

Хозяйственную деятельность и повседневную жизнь помещика, особенности его мировосприятия и поведения позволяют реконструировать исследования, посвященные изучению дворянской усадьбы с точки зрения экономической истории. Во второй половине 60-х годов – первой половине 1980-х гг. объектом внимания историков становится эволюция крестьянского и помещичьего хозяйства, землевладения и землепользования. В этой связи дворянские усадьбы анализировались как объекты хозяйствования. Они ассоциировались с земельной собственностью, поэтому исследователи акцентировали внимание на структуре и размещении дворянского землевладения, методах ведения хозяйств и системах землепользования²¹, проблемах соотношения капиталистического и отработочного способа ведения хозяйства, социальных и экономических итогах проведения в губерниях столыпинской аграрной реформы, характере и путях развития капитализма, типах аграрной эволюции помещичьего хозяйства²².

Большинство исследователей дворянской усадьбы акцентируют свое внимание на исследовании своеобразия усадебного мира. Усадьбы это не просто «дворянские гнезда», но и своеобразные центры формирования, развития и сохранения доминантных черт отечественной культуры. Каж-

дая усадьба имела свою историю и судьбу, в которых отражались жизнь и характеры их создателей и владельцев. В исторической науке растет интерес к изучению социальных и культурных аспектов истории повседневности дворянства, в том числе – и усадебной культуры, о чем свидетельствуют работы, вышедшие в конце XX – начале XXI вв.²³ В них большое внимание уделяется биографии владельцев, образу их жизни, судьбе усадеб в советское время.

В последнее время наметился интерес к изучению провинциальных усадеб России, о чем свидетельствуют работы, изданные в отдельных регионах страны. Выявлению историко-культурного значения русских дворянских усадеб в Оренбургском Заволжье посвящена кандидатская диссертация Е.В. Мишаниной, психологии и культуре дворянства работа Е.Ю. Дементьевой²⁴. Истории дворянских усадеб Поволжья посвящены многочисленные работы историков и краеведов²⁵.

На современном этапе развития исторической науки приоритетные направления исследования дворянства связаны с изучением системы ценностей сословия, воздействием власти и общества на сознание и поведенческие программы, комплексным изучением быта регионального дворянства. Недостаточно изучены гендерные различия в психологии и поведении дворянства, судьбы представителей дворянства Поволжья и их потомков в XX веке.

Судьба дворянских усадеб неразрывно связана с именами их владельцев. Многие дворянские усадьбы представляли из себя социокультурную среду, формировавшуюся знаниями, стремлениями и вкусами владельца усадьбы, его социальным окружением – родственниками, соседями, друзьями. Неотъемлемыми элементами дворянских имений были усадебные библиотеки и архивы, собрания произведений искусства, театры. Каждая усадьба имела свою историю и судьбу, в которых отражались жизнь и характеры их создателей и владельцев. Вдали от официального общества, поместный дворянин получал возможность проявить свое личностное начало во всех сферах: рационального ведения хозяйства на основе современной ему науки, воспитания детей, выбора форм культурного досуга и занятий любимым делом. Культурные традиции, образ жизни подспудно влияли на формирование системы ценностей, личностных пристрастий и политическое поведение дворянства. Благополучие каждого помещика, всей его семьи зависело, прежде всего, от уровня организации хозяйственной деятельности, умения управлять родовой собственностью. Обладание поместьем и проживание в своем поместье олицетворяли традиционный и нравственно превосходный образ жизни.

Село Аксаково Бугурусланского района Оренбургской области (до революции 1917 г. – Бугурусланский уезд Самарской области) было основано дедом писателя, Степаном Михайловичем Аксаковым в 1767 году (владел им до 1797 г.). По воспоминаниям писателя, «дедушка мой возвратился в Бугуруслан и в двадцати пяти верстах от него купил землю у помещицы Грязевой по речке Большой Бугуруслан, быстрой, глубокой и многовод-

ной. На сорок верст протяжения, от города Бугуруслана до казенного селения Красный Яр, оба берега его были не заселены: что за угодые, что за приволье было тогда на этих берегах!»²⁶ Он перевез из Симбирской (ныне Ульяновской) губернии своих крепостных крестьян. К ноябрю у переселенцев были построены избы, и закончен небольшой господский флигель. Затем С.М.Аксаков перевез на новое место свою семью и следующим летом, еще сорок крестьян. Тогда же на реке была построена водяная мельница, сооружена плотина, был достроен господский дом и двор со всеми строениями. После смерти Степана Михайловича имение перешло к Тимофею Степановичу Аксакову (владел им с 1797 по 1832 годы), который заложил каменную церковь во имя иконы Божьей Матери «Знамение». Церковь располагалась напротив барского дома на площади. Этот однокупольный каменный храм с трехъярусной колокольной украшал село и его окрестности. В 1822 году церковь была освящена, и село получило свое новое наименование – Знаменское.

Сергей Тимофеевич Аксаков происходил из старинной, но небогатой дворянской семьи. Отец его Тимофей Степанович Аксаков был провинциальным чиновником. Мать — Мария Николаевна Аксакова, урождённая Зубова, очень образованная для своего времени и социального круга женщина, в юности состоявшая в переписке с известными просветителями Н. И. Новиковым и А. Ф. Аничковым. Детство Аксакова прошло в Уфе и в имении Ново-Аксаково (сейчас – Оренбургская область), среди степной природы.

В 1816 году С.Т.Аксаков женился на дочери суворовского генерала О.С.Заплатиной (1793-1778 г.г.) и вернулся в Бугурусланский уезд. В с. Знаменском он вместе с семьей провел 5 лет, здесь родились его дети. В 1826 году после ряда безуспешных своих попыток организовать ведение хозяйства в оренбургском поместье, Аксаков вынужден переехать в Москву на постоянное место жительства и вновь поступить на государственную службу.

В 1832 году, после смерти отца во владение селом Ново-Аксаковым (Знаменским) вступил брат писателя Аркадий Тимофеевич. Он энергично взялся за реконструкцию усадьбы. С 1862 по 1871 году имение находилось в руках Николая Тимофеевича Аксакова, а потом перешло к племяннику писателя, Сергею Аркадьевичу, который умер в марте 1908 года.

Имение как малая родина занимало значительное место в жизни великого писателя, что емко отобразилось в его творчестве. Впечатления детства, юности и зрелого возраста легли в основу многих его произведений, и в их названия. История написания «Семейной хроники» растянулась почти на полтора десятилетия. С.Т. Аксаков столкнулся с цензурными трудностями, особенно в отношении отрывков «Степан Михайлович Багров» и «Михайла Максимович Куролесов». Но гораздо тягостнее цензурного давления для Аксакова была необходимость сопротивление многих родственников, опасавшихся публичной огласки теневых сторон семейной жизни, каких-либо тайн и неурядиц. Многие из упомянутых лиц были ещё живы, многие внутренние конфликты сохраняли ещё остроту. В итоге о многих

Аксаков был вынужден о многих событиях либо умолчать, либо упомянуть вскользь, намеком.

«Детские годы Багрова – внука» заслуженно считается одним из лучших произведений, художественно описывающих душевную жизнь ребёнка, постепенное, по мере взросления, изменение его мировосприятия. В качестве приложения к «Детским годам Багрова – внука» Аксаковым была опубликована сказка «Аленький цветочек. (Сказка ключницы Пелагеи)». Эта литературная обработка известного сюжета о красавице и чудовище, впоследствии, публикуясь отдельно, стала, наверно, самым популярным и часто издаваемым произведением Аксакова.

В тоже время свой вклад в развитие Поволжья и Приуралья внесли и потомки великого писателя. Григорий Сергеевич Аксаков (1820 с. Знаменское – 1891 гг., с. Страхово, Бузулукского уезда (сейчас Борский район Самарской области) выбрал стезю государственного чиновника. 5 декабря 1845 года назначен исполняющим должность оренбургского прокурора. 21 сентября 1846 года переведен исполняющим должность симбирского прокурора. С 5 августа 1850 года Григорий Сергеевич вошел в Комиссию для введения нового общественного управления Санкт-Петербурга. С 23 апреля 1852 года по 20 июня 1853 года был оренбургским вице-губернатором, уйдя с поста по собственному желанию. С 27 ноября 1855 года по 21 сентября 1858 года – вице-губернатор Самарской губернии. С 31 июня 1858 года по 11 августа 1859 года занимал пост представителя правительства Оренбургского Дворянского Комитета по устройству быта помещичьих крестьян. С 15 мая по 23 июня 1861 года занимал должность мирового посредника Бузулукского уезда. С 23 июня 1861 года исполняет дела оренбургского губернатора. В 1865 года назначен губернатором вновь образованной Уфимской губернии. С 20 января 1867 года по 8 декабря 1872 года — седьмой гражданский губернатор Самарской губернии. С 29 ноября 1870 года избран почетным мировым судьей. В годы губернаторства Аксакова в Самаре был построен Кафедральный собор во имя Христа Спасителя, открыты окружной суд, общественный сад, Алексеевский детский приют для мальчиков (открыт 12 января 1869 года), телеграфное сообщение. 3 февраля 1871 года открыл созданную городскую Думу. 24 мая 1871 года ввел обязательное прививание. 29 августа 1871 года император Александр II удостоил Аксакова своего Высочайшего благоволения за чистоту и благоустройство города.

Член самарской Думы, гласный Самарского губернского земства (с 1874 года). Решением самарского депутатского собрания 30 декабря 1875 года внесен в Родословную книгу самарского дворянства. С 19 июля 1884 года по 24 февраля 1891 года — губернский предводитель самарского дворянства и председатель самарского губернского земского собрания. Во время голода 1873 года и 1880 года лично занимался организацией помощи крестьянам. Крестьяне звали его по имени и отчеству, без боязни шли к нему по различным делам. Должностные сельские и волостные лица в Страхово менялись по жалобе сельчан. Представлен к чину тайного советника, награжден орденами и медалями. Почетный гражданин Самары (9 (16) августа

1873 года). Похоронен в имении в с. Страхово. Со временем могила была потеряна.

Его дочери Ольге Григорьевне Аксаковой (1848-1921 г., умерла и похоронена в с. Языково, Бузулукского уезда, (сейчас – Борский район Самарской области), великий писатель посвятил произведение «Детские годы Багрова-внука» и знаменитую сказку «Аленький цветочек». На титульном листе сказки автор написал: «Внучке моей Ольге Григорьевне Аксаковой». 21 декабря 1854 года Сергей Тимофеевич Аксаков пишет стихотворение «Шестилетней Оле», где обещает порадовать ее необычным подарком. В письме к сыну Ивану от 23 ноября 1856 года Аксаков пишет: «Я теперь занят эпизодом в мою книгу: я пишу сказку, которую в детстве я знал наизусть и рассказывал на потеху всем, со всеми прибаутками сказочницы Пелагеи. Разумеется, я совершенно забыл о ней, но теперь, роясь в кладовой детских воспоминаний, я нашел во множестве различного хлама кучу обломков этой сказки, а как она войдет в состав «Дедушкиных рассказов», то я принялся реставрировать эту сказку».

О.Г. Аксакова основала кумысолечебный курорт «Аксаково» близ станции Белебей. Имение Аксаковой было в селе Языково. Занималась собиранием семейного архива. Она была среднего роста, плотного телосложения, с вьющимися локонами волос, любила длинные со шлейфом платья, широкие белые или черные шали. Ездил в тарантасе, запряженном парой вороных лошадей, в сопровождении борзых собак. Ее племянник Сергей Сергеевич Аксаков в письме к бузулукскому литературному краеведу П. Филатову вспоминал: «Она была очень доброй, очень демократично настроена, ненавидела пышность, балы, светскую суету и прочее. По железной дороге ездила всегда в третьем классе, очень любила музыку и сама неплохо играла на рояле»²⁷. В 90-х годах XIX века читатели «Самарской газеты» часто встречали объявление, что на ферме Ольги Аксаковой «постоянно имеется подвоз свежего сливочного масла». Жила Аксакова в двухэтажном доме, где размещались библиотека и архив, о котором стало известно из интервью с ней, опубликованном 30 апреля 1909 года в газете «Вестник Уфы» в связи с 50-летием со дня смерти писателя. Кроме дедовского, хранила она державинский и тютчевский архивы, доставшиеся ей от Сергея Тимофеевича и дяди Ивана Сергеевича, женатого на дочери поэта Тютчева, Анне Федоровне. Архив для нее был дорог: во время пожара, случившегося в 1914 году в усадьбе, она вынесла в первую очередь его.

После октября 1917 года имение Аксаковой было конфисковано, но сама она оставалась в нем и жила при библиотеке. Оставшуюся у нее часть архива Аксакова передала Самарскому университету, образованному в 1918 году. В 1921 г. О. Г. Аксакова – научный сотрудник Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете. Выполняя его поручение, делала копии с наиболее ценных документов архива. По ходатайству общества ей назначена пенсия.

В июле 1921 г. семейный архив Аксаковых вывезен сотрудником Самарского губернского архива и губернского музея, ассистентом кафедры палео-

графии Самарского госуниверситета М. Н. Тихомировым (будущим академиком) из имения О. Г. Аксаковой. Аксаковский архив и семейные реликвии, перевезенные в Самару, были переданы в Общество археологии и этнографии. Они составили основной фонд Аксаковской комнаты, хранителем которой был назначен М. Н. Тихомиров, и архива-музея. В конце 1920-х гг. все рукописи и семейные реликвии Аксаковых поступили в Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. В отчете М. Н. Тихомиров подробно перечислил вывезенное имущество: мебель, рукописи, фотографии, портреты, письма.

Архив Аксаковых чрезвычайно обширен и изучен еще в очень малой степени. Дабы ввести в обиход тот комплекс семейных и иных документов, которые сохранились, необходимы усилия многих и многих специалистов. Материалов аксаковского архива – огромное количество. Подавляющее большинство из них не только не опубликовано, но и научно не освоено и даже не прочитано толком...²⁸. Другую часть архива и имущество Сергея Аксакова Ольга Григорьевна передала Самарскому губернскому дворянскому собранию еще в 1909 году.

В последние годы жизни престарелой Ольге Григорьевне помогали крестьяне. Они приносили ей продукты. Умерла она на 73-м году жизни, в голодном 1921 году. До последних дней с ней находилась служанка Феона Семеновна, которая переехала позже в Борское. Точное место захоронения внучки писателя установить сейчас сложно.

Отметим, что историческое значение необходимости сохранения усадьбы было осознано современниками еще в начале XX века, когда в связи с экономическими трудностями и размахом революционных событий наследники великого писателя задумывались о продаже имения. В 1907 году особая комиссия Крестьянского банка занималась скупкой помещичьих имений в Самарской губернии и перепродажей их крестьянам. В числе ликвидируемых помещичьих имений была и знаменитая Аксаковская вотчина при с. Знаменском Бугурусланского уезда, которую потомки знаменитого писателя С.Т. Аксакова собирались продать Крестьянскому банку²⁹. Однако благодаря настойчивой и целеустремленной деятельности самарского губернского предводителя дворянства А.Н. Наумова имение было сохранено. На состоявшемся в 1907 г. чрезвычайном губернском дворянском собрании было принято решение о целесообразности приобретения этого имения. Собрание постановило ходатайствовать перед правительством о предоставлении льгот самарскому дворянскому обществу при покупке данного имения³⁰. Свядав покупку имения с устройством в нем ремесленной школы с просветительной деятельностью, А.Н. Наумов обратился с ходатайством к императрице Александре Федоровне, как к попечителю общества «Попечительство о трудовой помощи». В 1907 году благодаря содействию императрицы усадьба Аксаковых была приобретена. Управляющим усадьбой стал М.Д. Мордвинов, который к 1909 году организовал создание учебно-ремесленную мастерскую им. С.Т. Аксакова. В 1911 году изделия учеников были представлены на Всероссийскую кустарную выставку³¹.

Также в 1909 году в Самарской губернии проходили мероприятия, посвященные 50-летию со дня кончины С.Т.Аксакова. В начале 1909 года состоялось экстренное дворянское губернское собрание, которое одобрило программу культурно-сословного торжества. Это мероприятие происходило 30 апреля в день смерти Аксакова. Состоялось торжественное собрание в губернской дворянской зале. Прозвучал ряд речей и докладов, посвященных писателю и его значению для русской культуры. А.Н. Наумов доложил о мероприятиях, предпринятых дворянством губернии для сохранения имени писателя и открытия там образцовой ремесленной школы его имени.

Было озвучено постановление дворянского собрания об основании аксаковского музея, в комнате на верхнем этаже дворянского собрания. Внучка Аксакова – О.Г. Аксакова (26.12.1948-1921) подарила музею коллекцию 318 писем деда, а С.Г. Аксаков пожертвовал диван, принадлежавший С.Т. Аксакову, шкатулку и принадлежности для рыбалки. По окончании торжества была исполнена музыкальная хоровая ода «Слава Аксакову», сочиненная Я.Я.Карклиным³².

Усадьба Аксаковых в Оренбургской области в советское время постепенно разрушалась, с 1921 по 1928 гг. там располагалась детская колония, затем волостной комитет, затем семилетняя школа и контора МТС. 30 августа 1960 года постановлением Совета Министров РСФСР №1327 усадьба, где жил писатель С.Т.Аксаков, была поставлена на государственную охрану как памятник истории. А в 1962 году по инициативе руководителя местного колхоза «Родина» был снесен дом Аксаковых. Оригинальный памятник утратил свое существование, а село утратило свою композиционность. Рядом с фундаментом дома выстроили двухэтажное здание школы из силикатного кирпича, что исказило облик усадебной территории. В те же годы было построено кирпичное здание клуба. На территории парадного двора Аксаковых, перед зданием школы, был разбит школьный сквер и установлен бюст С.Т.Аксакова. В 1966 году сгорела водяная мельница, разрушены плотина и пруд. В 1968 году на сельской площади, рядом с фундаментом разрушенной церкви, был установлен памятник воинам односельчанам и разбит сквер. Литературная общественность области многие годы поднимала вопрос о восстановлении этих мест.

Начиная с 1991 года, который по решению ЮНЕСКО был объявлен Годом Аксакова началось восстановление памятных мест, связанных и именем писателя. В 1991 г. в Уфе открылся Мемориальный дом-музей писателя, в 2002 открыт Историко-культурный центр «Надеждино», воссоздан Дмитриевский храм и усадебный дом писателя, в котором был открыт «Музей семьи Аксаковых»³³.

Открытие дома-музея в Оренбургской области состоялось в августе 1998 года. В его интерьерах размещена экспозиция, отражающая жизнь и быт персонажей произведений Сергея Тимофеевича. Аксаковский дом восстановлен на месте сохранившегося фундамента. Перед домом хорошо сохранилась круглая акациевая аллея, где в аксаковскую бытность находилась

беседка, обсаженная дикой виноградной лозой. В 2003 году на территории разрушенной Знаменской церкви производились археологические раскопки. Целью исследований являлось точное установление местонахождения храма и места родовой усыпальницы Аксаковых. В результате научно-исследовательских работ было обнаружено несколько захоронений, среди них погребение М.Н.Аксаковой (матери писателя). В 2007 году на место захоронения родственников Аксаковых были перенесены надгробные плиты с могил матери, отца и младшего брата писателя, которые до того момента находились на территории усадьбы. В 2007 году была осуществлена реконструкция пруда.

В селе Страхово Самарской области в 2011 году у здания полуразрушенной старинной церкви установили памятный крест с надписью «Достоинному сыну великого отца и одному из лучших российских губернаторов» на месте предполагаемой могилы Г.С. Аксакова. От села остались только 150-летние сосны, старые дома и несколько жителей. О захоронении вспомнили благодаря вниманию общественности к наследию Аксаковых. Сооружение креста и ограды взял на себя предприниматель Владислав Афанасьев, который устраивает небольшую базу отдыха у пруда. Страхово не являлось родовой вотчиной Аксаковых, но, может быть, сам Григорий Сергеевич, единственный продолжатель рода своего отца, хотел сделать эту усадьбу новым родовым гнездом. Теперь на возрождение этих давнишних планов надеются и «аксаковцы». В Языкове частично воссоздан интерьер усадьбы внучки писателя Ольги Аксаковой, которая жила в языковском имении и умерла здесь в 1921 году, сохранив бесценные семейные реликвии и архивы. Местные краеведы не теряют надежды восстановить здание барской усадьбы, которое сгорело в 1914 году.

Аксаковским обществом ведется активная работа по изучению и приведению в порядок аксаковских мест на территории Самарской, Ульяновской, Оренбургской областей и Башкирии. Разрабатываются туристические маршруты Золотого кольца аксаковского Поволжья, написана песня «Аленький цветочек», издан литературный путеводитель по аксаковским местам Поволжского региона³⁴.

Любители – краеведы сельских районов и городов Поволжья и Приуралья, основываясь на архивных источниках и материалах устной истории, вносят значительный вклад в научную разработку темы, связанной с дворянскими усадьбами. На современном этапе прослеживается тенденция привлечь внимание современников к архитектурным памятникам и усадебной культуре дворянства. Благодаря подвижнической деятельности работников музеев, историков, краеведов и деятельности Аксаковского фонда проведена большая работа по возрождению усадеб Ульяновской, Оренбургской, Самарской областей и Башкирии, связанных с жизнью и деятельностью великого русского писателя С.Т.Аксакова и членов его семьи.

Примечания

¹ Любецкий С.М. Окрестности Москвы в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гуляния. Характеристика и бытие московских жителей дедовских и наших времен. Гулянья, празднества, увеселения и другие замечательные события. Очерки земледелия и садов с древнейших времен. Изд. 2. – М., 1880.

² Русская усадьба на страницах журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба»: Библиографический указатель содержания журналов. М., 1994. С. 4-6.

³ Врангель Н.Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 2000; Шамурин Ю.И. Подмосковные. М., 1912; Фомин И. Московский классицизм // Мир искусства. 1904. № 7. С. 187-197.

⁴ Злочевский Г. Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий // Памятники отечества. 1992. № 2. С. 80-81.

⁵ Каждан Т.П. Русская архитектура конца XIX – начала XX вв. М., 1971.

⁶ Лисовский В.Г. Особенности русской архитектуры конца XIX – начала XX вв. М., 1976.

⁷ Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX в. М., 1979.

⁸ Кириллов В.В. Архитектура русского модерна. Опыт формологического анализа. М., 1979.

⁹ Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910 гг. М., 1982.

¹⁰ Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 8.

¹¹ Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997.

¹² Нащекина М.В. Русская усадьба эпохи символизма // Русская усадьба. Вып. 4(20). М., 1998. С.315 – 318.

¹³ Иванова Л.В. Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. М., 1994. № 1. С.149-165; Пушкарева И.М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (к постановке проблемы // Вопросы истории. 1999. № 4. С. 14 - 29.

¹⁴ Каждан Т.П. Художественный мир... С. 19.

¹⁵ Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г. Русская провинция. М., 1997.

¹⁶ Архитектура русской усадьбы. М., 1997.

¹⁷ Нащекина М.В. Русская усадьба Серебряного века. М., 2007.

¹⁸ Двоеносова Г. А. Дворянская родословная книга Казанской губернии 1785-1917 гг. Региональные аспекты изучения массового источника: Дис. ... к.и.н. Казань, 2000; Лобанова Н.Г. К роду отцов своих... Семейная историческая хроника дворянских родов Соосновских, Шишковых, Хирьяковых. Тольятти, 2001; Наумов А.В. Судьбы российского дворянства в XX веке: Дис. ... к.и.н. Саратов, 2009.

¹⁹ Семенов В.Н. Семенов Н.Н. Саратов дворянский. Саратов, 2004; Казанское дворянство. 1895-1917. Генеалогический словарь/Сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001; Кутырева М.А. А.Д. Пазухин. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность. Чебоксары, 2002; Тюстин А.В. Биографический ракурс пензенских уездных предводителей дворянства // Записки краеведов. Вып. 1. Пенза, 2003. С.97-104 и др.

²⁰ Шевнина О.Е. Провинциальное дворянство: стереотипы мышления и образ действий (на примере высшего сословия Среднего Поволжья конца 1850-х-1870-х гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С.17-25; Милешина Н.А. Феномен повседневности российского дворянства (вторая половина XVIII – середина XIX вв.: отличительные особенности // Актуальные проблемы науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 27 сент. 2011 г. В 6 ч. Тамбов, 2011. Ч. 6. С. 99–101.

²¹ Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX - начала XX вв. Земледелие, землепользование, система ведения хозяйства. М. 1971.; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII –

нач. XX вв. М., 1974; Водарский В.Я. Дворянское землевладение в России в XVII - первой половине XIX века. М., 1988.

²² Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX - нач. XX вв.). М., 1969; Ковальченко И. Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М., Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; Он же. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в.: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократических революции в России. Саратов, 1981; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.

²³ Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995; Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII – XX вв. М., 2001; Русские провинциальные усадьбы XVIII - начала XX века. Воронеж, 2003 и др.

²⁴ Мишанина Е.В. Поместное дворянство Оренбургского Заволжья: хозяйственная и культурная деятельность середина XVIII – начало XX века. Дис. ... к.и.н. Самара, 2004; Дементьева Е.Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья первой половины XIX века: Дис. ... к.и.н. Самара, 1999.

²⁵ Баринаева Е.П. Дворянские усадьбы в начале XX века // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004. С. 170 – 175; Кремер Н.Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768 – 1861 гг.): Дис. ... к.и.н. Самара, 2004; Александрова С.А. Дворянские усадьбы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: Дис. ... к.и.н. Самара, 2011; Милешина Н.А. Провинциальная дворянская усадьба во второй половине XVIII – середине XIX вв. (на материалах Среднего Поволжья) // Мордовский народ в составе российской государственности: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 20 окт. 2011 г. Саранск, 2011. С. 34–39; Она же Управление имением как составляющая повседневной жизни дворянства второй половины XVIII – середины XIX в (на материалах Центрально-европейских и Средневожских губерний России)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №5-2. С.120-123; Рассказова Л.В. Русская провинциальная среднедворянская усадьба как социокультурный феномен (на примере усадеб Пензенского края): Дис. ... к.к.н. Нижний Новгород, 1999; Хасянов О.Р. Экономическая, общественная и культурная жизнь провинциального дворянства в начале XX века на материалах Симбирской губернии: Дис. ... к.и.н. Ульяновск, 2009 и др.

²⁶ Аксаков С.Т. Семейная хроника// Собр. Соч. Т.1. С.5.

²⁷ Аюпов Р. Хозяйка первой башкирской кумысолечебницы: [об О. Г. Аксаковой] // Веч. Уфа. 2010. 24 сентября. С. 5.

²⁸ Кошелев В. А. Аксаковы: мифология рода // Вторые Аксаковские чтения : сб. материалов Всерос. науч. конф. 21-24 сент. 2006 г. / под общ. ред. Л. А. Сапченко ; Ульяновский гос. ун-т. Ульяновск, 2006. С. 17-24.

²⁹ Сейчас дом-музей С.Т. Аксакова Оренбургская область, Бугурусланский р-он, с. Аксаково.

³⁰ Филиал ГАОО в г. Бугуруслане. Фонд Аксаковых; ЦГАСО. Ф. 430. Оп.1. Д. 1807; <http://aksakovo.by.ru>

³¹ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. Т.2. С. 125-127.

³² Там же. С.173.

³³ Подробнее см.: Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.В., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С.140-148.

³⁴ Аксаковская земля. Уфа, 2013.

В.В. Кондрашин***В.П. ДАНИЛОВ – ИСТОРИК И ГРАЖДАНИН**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Аграрная история России XX веков: историография и источники»), проект № 13-01-00081

2014 г. будет 10 лет как ушел из жизни выдающийся историк-аграрник России Виктор Петрович Данилов. Его памяти и посвящается настоящая статья.

Биография В.П. Данилова широко известна, и сведения о ней можно найти в многочисленных публикациях в центральных и региональных изданиях последних лет¹. В.П. Данилов родился 4 марта 1925 г. в многодетной семье служащего г. Орска современной Оренбургской области, где окончил среднюю школу. Затем ушел на фронт. После войны учился на историко-филологическом факультете Оренбургского педагогического института, откуда успешно поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. В нем он проработал до конца своей жизни, пройдя путь от простого научного сотрудника до главного и руководителя отдела. Именно в Институте истории В.П. Данилов состоялся как блестящий ученый. С ним связана и его активная общественная деятельность.

В.П. Данилов является одним из ярких примеров успешности выпускника провинциального вуза в большой науке, что в очередной раз доказало уже хорошо известный факт о провинциалах как двигателях научного и культурного прогресса в России. Свою роль здесь сыграл не только природный талант, данный историку от Бога и родителей, но и то, что его подготовка в Оренбургском педагогическом институте оказалась не хуже, чем в известных столичных институтах и университетах. По его рассказам автору статьи, в пединституте его учили профессора с дореволюционным стажем, ранее работавшие в Москве и Петербурге, высланные в Оренбург уже при Советской власти за неблагонадежность, или «сбежавшие» туда от греха подальше от угрозы всевозможных «чисток» и поисков «врагов народа» в то непростое время.

Почему и когда В.П. Данилов решил стать историком? Этот вопрос не может не возникнуть, когда речь идет о выдающихся ученых, оставивших действительно яркий след в науке! А Данилов принадлежит именно к ним.

Опять же, по его рассказам автору статьи, которому посчастливилось быть аспирантом и докторантом В.П. Данилова в Институте российской истории РАН, а затем в течение более 10 лет работать под его руководством в рамках организованных им крупнейших международных проектов по аграрной истории России XX века, В.П. Данилов почувствовал истинную

* © В.В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет.

и осознанную тягу к истории как будущей своей профессии на войне. До войны он и не думал заниматься историей.

Случилось это в Киеве, который В.П. Данилов освобождал в ходе тяжелых и кровопролитнейших боев в качестве командира орудия. Ему чудом удалось остаться в живых в разрушенной «матери городов русских». Он случайно оказался в одном из уцелевших домов Киева, где сохранилась большая библиотека. Ее книги он с запоем читал в течение нескольких дней затишья и отдыха после боя. Среди них большинство оказались книги по истории.

Именно во время их чтения он стал всерьез задумываться о причинах происходившей с его участием ужаснейшей войны, в ходе которой на его глазах гибли люди, разрушалась страна, происходил кошмар всеобщего насилия. И он впервые понял, что плохо знает историю, что занятие историей – это то, что ему необходимо в жизни. Таково было начало большого пути в исторической науке В.П. Данилова.

После войны, как уже отмечалось, он поступает и успешно оканчивает Оренбургский педагогический институт и, получив направление, отправляется в аспирантуру в Москву.

В.П. Данилов не хотел быть историком-аграрником, а тем более историком советского крестьянства. Его интересовала дореволюционная тематика. Но сложилось так, что в Институте истории АН СССР, куда он поступил, вакансия аспиранта была только в секторе по советской истории. И он был вынужден согласиться, связав свою творческую судьбу с судьбами советского крестьянства.

Ему пришлось заняться, казалось бы, банальной и избитой на тот момент темой, историей коллективизации в СССР. В советской науке доминировал сталинский стереотип об успехах «великого перелома», колхозный строй только что продемонстрировал свою прочность и «эффективность» в годы Великой Отечественной войны. Но молодой ученый сумел так подойти к этой теме, что в рамках квалификационной диссертационной работы кандидатского уровня, фактически первым среди советских историков критически осмыслил ее, попав сразу же и навсегда в «белые вороны» советской историографии.

В.П. Данилов ворвался в науку смелым и убежденным в своей правоте исследователем, представив на суд научной общественности оригинальную кандидатскую диссертацию на тему материальных предпосылок сталинской коллективизации. Этим он подтвердил правило и сложившуюся в отечественной науке академическую традицию: настоящей наукой и всерьез надо заниматься смолоду. А для этого надо не бояться браться за трудные и актуальные темы, не растрчивать молодые годы на мелкотемье и проходные с точки зрения карьеры проблемы, не ждать, пока повзрослеешь, «наберешься опыта» и т.д. В этом смысле научный старт В.П. Данилова был мощный, яркий, заставивший обратить на него внимание маститых историков и научной общественности.

По рассказам историка и его коллег, кандидатская диссертация «Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского

хозяйства СССР», рукопись которой составила 2 тома, тянула на докторскую. Но руководитель сектора М.П. Ким сказал молодому соискателю, что в Институте истории АН СССР нет такой традиции, присваивать докторскую степень без наличия кандидатской даже самым выдающимся соискателям. Хотя примеры очень сильных диссертаций, выполненных как кандидатские, и вполне соответствующих уровню докторских, по его же словам, в истории Института истории были неоднократно (например, Л.В. Черепнина и др.).

В результате в 1954 г. В.П. Данилов успешно защитил кандидатскую диссертацию, которая затем была опубликована под грифом Института истории АН СССР в 1957 г. в качестве авторской монографии². Это был весьма редкий случай. Мало кто из начинающих ученых добивался такой чести и такого успеха.

В ходе работы над диссертацией В.П. Данилов «влюбился» в крестьянскую тему и впоследствии уже никогда не жалел, что связал свою научную карьеру и судьбу с историей советской деревни.

В данном контексте, ему принадлежит блестящая, на наш взгляд, метафора о том, как молодой ученый должен выбирать тему кандидатской диссертации. Он должен выбирать ее «как жену», чтобы была любимой и на всю жизнь!

Высоко оценивая начало творческого пути выдающегося историка, нельзя не напомнить о том, что ему очень повезло со временем, когда он вступил на этот путь. Оно пришлось на годы так называемой «хрущевской оттепели», времени развенчания культа личности И.В. Сталина. Вряд ли бы его кандидатская диссертация была бы защищена в другое время, да и дальнейшая творческая судьба при всех ее неблагоприятных поворотах сложилась удачно.

Но указывая на этот факт, следует подчеркнуть, что основной объем работы над кандидатской диссертацией В.П. Данилов завершил еще до смерти вождя. И главный концептуальный вывод по ее теме он также сделал в это время. Он заключался в том, что уровень зрелости материально-технических предпосылок коллективизации оказался недостаточным с точки зрения ленинского кооперативного плана. Колхозы создавались на мануфактурной, а не на механизированной основе, путем сложения крестьянского инвентаря, а не тракторизации и механизации советской деревни, о чем писал Ленин. Но сталинская историография и пропаганда в трудах ее апологетов типа С.П. Трапезникова игнорировала данный факт и вопреки ему утверждала о полной готовности советской деревни к социализму.

Смелый вывод молодого историка, так же как и многочисленные другие труды уже повзрослевшего мэтра, убедительно свидетельствуют, что В.П. Данилов всегда оставался принципиальным исследователем и человеком. Точно также и в жизни он был честным и прямым в своих отношениях с коллегами и людьми, заслуженно назвавшими его «рыцарем исторической науки».

Из-за принципиальности и прямоты в суждениях и взглядах у В.П. Данилова были серьезные проблемы, особенно в части административной и

академической карьеры. Он был рад служить исторической науке, но был против того, чтобы прислуживать ее «свадебным генералам». Юношеский максимализм, дух «шестидесятника» и «лейтенанта» Великой Отечественной войны, привыкшего идти дорогой правды, презиравшего конъюнктуру, голый карьеризм, бездарность в науке часто мешали В.П. Данилову добиться признания его заслуг на официальном государственном и академическом уровнях.

У него не было никаких почетных званий. Несмотря на выдающиеся достижения историка в области публикации уникальных и ранее недоступных исследователям архивных документов из ЦА ФСБ, РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ и других архивов в рамках грандиозных серийных изданий «Крестьянская революция в России», «Трагедия советской деревни», «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД»³, а также блестящих авторских монографий и статей, в том числе в ведущих зарубежных изданий, его трижды «проваливали» на выборах в члены-корреспонденты РАН. При этом выдвигался В.П. Данилов от редакции «Вопросов истории» и трудового коллектива Института российской истории РАН, получая при этом очень активную поддержку со стороны широкой российской и зарубежной научной общественности!

Автору статьи В.П. Данилов рассказал историю, которая произошла с ним в Оренбурге, где после окончания средней школы он учился в артиллерийском училище, чтобы попасть на фронт. Находясь в строю с остальными курсантами, он сгоряча сделал замечание политруку, который перед строем читал по бумажке о подвигах советских солдат. Его пригласили в особый отдел для проработки и выяснения причин «вражеской вылазки по дискредитации политического состава Красной Армии», но, в конце концов, простили, потому что он был курсантом отличником и буквально рвался на фронт.

Точно так же, уже убеленный сединами, В.П. Данилов нелестно отзывался об академике АН СССР и РАН по истории, получивших высокие академические звания за административные должности или за весьма сомнительные с точки зрения науки труды по советской истории, особенно по истории советского крестьянства.

С высоты современных лет и выдающегося вклада в российскую историографию В.П. Данилова можно сказать, что, учитывая его несопоставимый с критикуемыми им «академиками» научный вклад, он имел полное право на подобную позицию. Но она помешала ему стать членом Российской Академии Наук. Он не захотел прогибаться и играть по установленным бюрократическим процедурам, которые презирал.

Но Российская Академия Наук была вынуждена признать заслуги В.П. Данилова, несмотря на наличие там его недоброжелателей. Свидетельством этого стало его награждение самой авторитетной наградой академии для историков России – Золотой медалью С.М. Соловьева. Произошло это благодаря инициативе и поддержке выдающегося историка-аграрника России XX века, коллеги и друга В.П. Данилова, академика Л.В. Милова. Он хорошо знал цену В.П. Данилову и всегда поддерживал его, нередко не согла-

шаясь с его оценками ряда проблем (например, роли математических методов в изучении экономической истории).

Уже в кандидатской диссертации в полной мере проявился даниловский стиль научной работы. Прежде всего, это опора на достоверные и разнообразные источники, следование их правде, а не указующему персту исторического и иного начальства, или существующей на данный момент официальной историографической традиции. Этому стилю он был верен всю свою творческую жизнь. Мы не найдем у В.П. Данилова ни одной конъюнктурной работы. Все его труды основаны на глубоко и всесторонне проработанной источниковой базе и самое главное – содержат новые знания по взятой для изучения проблеме. Как правило, их отличает комплексное использование разнообразных видов источников, причем не только центральных, но и региональных архивов. Скрупулезная работа с документами в архивах – это фирменный знак В.П. Данилова.

От многих столичных историков, замкнувшихся в рамках находящихся в Москве и С. Петербурге центральных архивов, Данилов отличался тем, что систематически работал в региональных архивах. Автор этой статьи и многие его коллеги с удивлением обнаруживали и обнаруживают в архивах Калуги, Тамбова и других городов России подписи В.П. Данилова в просмотренных им в архивных делах. В этом смысле он был похож на классиков российской исторической науки, которые считали необходимым изучение провинциальных архивов (В.О. Ключевский и др.). Их важность В.П. Данилов постоянно подчеркивал во время консультаций со своими аспирантами, в том числе и с автором настоящей статьи.

Яркое начало творческого пути В.П. Данилова позволило ему сразу же выдвинуться в неформальные лидеры нового поколения советских историков-аграрников, которое иногда называют поколением «шестидесятников». Всех его представителей, включая В.П. Данилова, объединяло военное прошлое, советская школа и институт. Они были сторонниками коммунистической идеи, многие – коммунистами. Поэтому ими владело желание избавиться от наслоений сталинской эпохи на «социализм». В этом смысле, конечно, они были идеалистами. Но на практике они ими не были, поскольку ставили перед собой вполне реальную задачу – написание подлинно научной истории страны, пусть даже с марксистских методологических позиций. В этом была их гражданская позиция – идти по пути исторической правды, защищать ее в своих публикациях.

Реализация указанной цели в рамках написания истории советской коллективизации – одна из самых ярких страниц в истории отечественной исторической науки XX века. Речь идет о подготовленном к печати В.П. Даниловым и его коллегами двухтомнике по истории коллективизации.

Он был написан в начале 1960-х гг. авторским коллективом в составе сотрудников группы по истории советского крестьянства Института истории АН СССР Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина, М.Л. Богденко под общим руководством В.П. Данилова. Работая над данной книгой, молодые историки-аграрники в полной мере воспользовались кратковременным периодом ослабления идеологического диктата КПСС.

В результате на основе анализа разнообразной и достоверной источниковой базы в их коллективном труде впервые в советской историографии последовательно была проведена критическая линия по отношению к сталинской коллективизации и лично И.В. Сталину, как главному ответственному лицу за ее «перегибы» на местах. В то же время, сама идея сплошной коллективизации и ее историческая значимость для страны не подверглась сомнению авторским коллективом В.П. Данилова.

Подготовленный к изданию труд вызвал горячую поддержку со стороны подавляющего большинства специалистов Института истории АН СССР, ознакомившихся с ней. Хотя было высказано и немало замечаний по его содержанию. Но неожиданно она встретила яростное сопротивление со стороны ЦК КПСС и лично заведующего отделом науки ЦК, академика С.П. Трапезникова, автора известных апологических публикаций о сталинской коллективизации.

В настоящее время опубликованы все материалы дискуссии на эту тему в стенах Института истории АН СССР и за ее пределами, из которых хорошо видно насколько принципиально и смело В.П. Данилов защищал авторскую концепцию двухтомника⁴. И она не могла быть оспорена оппонентами, поскольку опиралась на реальные факты.

Но тогда они, умело направляемые рукой Трапезникова и его подручных, с помощью мелких придирок и организованного бюрократического спектакля «заболтали» рукопись и в конечном итоге пошли на беспрецедентное в практике советской исторической науки дело – заставили разобрать уже набранный в типографии шрифт первой части книги!

В.П. Данилов показывал автору статьи ее сигнальный вариант, который чудом сохранился у него. Но, к огромному сожалению, впоследствии он где-то затерялся, и поэтому у современного читателя нет возможности в полной мере оценить тот научный подвиг, который совершил В.П. Данилов и его коллеги в первой половине 1960-х гг. Частично это можно сделать, ознакомившись с частями книги, опубликованных при поддержке РГНФ издательством «РОССПЭН», в специальном двухтомнике избранных трудов В.П. Данилова⁵.

Высокая оценка даниловского двухтомника по истории коллективизации в СССР основывается, прежде всего, на современных знаниях об этом трагическом событии в истории России XX века. Они в большинстве случаев совпадают с его содержанием и дополняют его новыми фактами из недоступных тогда В.П. Данилову и его коллегам архивов (например, ЦА ФСБ РФ, Архива Президента РФ и др.). Исключение составляет проблема голода 1932 – 1933 гг. в СССР, то есть последствий коллективизации, которая в период работы коллектива Данилова над историей сталинской «революции сверху» в советской деревне в принципе не могла изучаться по идеологическим соображениям.

Гражданская позиция историка в защите исторической правды проявилась и в другой известной в настоящее время научной общественности истории с парткомом Института истории АН СССР. В 1960-е гг. его возглавлял

В.П. Данилов. Вместе со своими коллегами и друзьями-шестидесятниками К. Н. Тарновским, М. Я. Гефтером, А. М. Анфимовым, С. И. Якубовской и др., он решительно противостоял возрождению сталинизма в исторической науке, используя для этого трибуну партийных собраний Института истории⁶. Запрещенные тогда в СССР к вещанию радиостанции «Голос Америки» и «ВВС» очагами свободомыслия в СССР и Москве называли «Даниловский партком» Института истории АН СССР и Театр на Таганке режиссера Ю.П. Любимова.

В.П. Данилов выступал против «фигуры умолчания» в советской истории, призывая вернуть в историю СССР личности Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого и других. На эту тему совместно с С.И. Якубовской он написал специальную статью, которая была опубликована лишь в 1992 г.⁷. Правда и ничего кроме правды, никаких «белых пятен» и «фигур умолчания» в сложной истории России советского времени – вот ее главная мысль. В этом состояла и позиция В.П. Данилова как историка и гражданина, которой он всегда оставался верен.

Не сумев сломить антисталинский настрой даниловского парткома, ЦК КПСС инициировал его ликвидацию в 1968 г. с помощью надуманной процедуры разделения Института истории АН СССР на две самостоятельные структуры – Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР.

В этот момент В.П. Данилов чуть не попал под искусственно созданное уголовное дело о краже книг из Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. Его спасла госпитализация в больницу с перитонитом. Иначе неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба, поскольку ему инкриминировался вынос книг из «ленинки». В действительности же все они были взяты с согласия библиотекарей с соответствующей записью в формулярах.

Теневым кукловодом всей этой неприглядной истории выступал «куратор советской науки», зав.отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников, воспринимавший В.П. Данилова как личного врага. Его бесила принципиальная позиция историка, которая не только мешала свертыванию хрущевской десталинизации, но и подрывала его научный авторитет как автора двухтомного официоза «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос». Думается, что в сталинские времена В.П. Данилова и его коллег ожидал бы вполне понятный результат. Но у поднявших при Л.И. Брежневле сталинцев уже не было такой возможности.

Личность человека очень хорошо проявляется в трудные времена. Легко быть на коне, красоваться в СМИ, публиковаться в ведущих журналах, занимая при этом доходный служебный пост. Другое дело, когда всего этого нет. И более того, когда человек ставится в условия изгоя и лишается возможности заниматься любимым делом в комфортных условиях.

После разгрома парткома и ликвидации Института истории АН СССР В.П. Данилов лишается своей административной должности и переходит в ранг обычного научного сотрудника. То же самое происходит и с его ближайшими сподвижниками по парткому К.Н. Тарновским, А.М. Анфимовым и др.

Но В.П. Данилов не падает духом. Более того, он начинает еще больше работать в архивах, доказывая тем самым в очередной раз, что не место красит человека, а человек место.

В 1970-е – начале 1980-х гг. он разрабатывает наиболее актуальные аспекты истории сельского хозяйства и крестьянства СССР: эволюцию крестьянского хозяйства и социальную структуру советской деревни в условиях нэпа⁸, историю дореволюционной и советской кооперации⁹, русской поземельной общины¹⁰, проблемы сельской культуры и быта¹¹.

Кроме того, Данилов активно участвует в работе симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, подготовке к печати различных коллективных трудов по аграрно-крестьянской проблематике.

Фактически в это время он становится неформальным лидером советских историков-аграрников. Его работы на голову превосходят написанные «в нужном русле» на аналогичные темы труды его гонителей, «свадебных генералов от науки» (С. П. Трапезникова и др.).

Читая созданные Даниловым в доперестроечный период труды по истории доколхозной деревни, поражаешься, насколько точными и выверенными являются их основные выводы, насколько разнообразна их источниковая база, какую богатую пищу для размышлений они дают. По своему уровню они не уступают классическим трудам западного крестьяноведения. Фактически большинство из них сохраняют свою актуальность и для современных исследователей, являются ориентиром и примером подлинного научного творчества. Не случайно поэтому, что наиболее важные из них переведены на иностранные языки еще до начала перестройки в СССР и в ее первые годы¹². Они востребованы и современными зарубежными исследователями аграрной истории России.

Весь доперестроечный период В.П. Данилов оставался не выездным из СССР, общение с ним было предосудительным для иностранных исследователей. Об этом прямо говорили им соответствующие службы на родине и в период их пребывания в Москве. Тем не менее, многие всемирно известные западные ученые, такие, например, как Т. Шарнин и С. Уиткрофт, намеренно нарушали этот запрет и находили В.П. Данилова в Москве, чтобы получить у него консультации по темам их научных интересов. Это было небезопасно не только для них, но и для самого историка, поскольку их контакты вызывали сильное раздражение у руководства Института истории СССР АН СССР и лично С.П. Трапезникова. К какому-то Данилову, а не к ним в очередь выстраиваются ведущие зарубежные ученые!

В результате именно в доперестроечные годы у В.П. Данилова установились не только научные, но и дружеские отношения со многими авторитетными учеными Западной Европы, США и Японии. Их подкупала научная добросовестность работ В.П. Данилова, его прекрасные человеческие качества (порядочность, честность, открытость, дружелюбие и т.д.). Итогом этого стали грандиозные совместные научные проекты по истории крестьянства России XX века в условиях новой России.

Трудно найти еще другой такой же пример научной эффективности международного сотрудничества ученых России и зарубежных стран в пос-

ледние десятилетия в области изучения национальной истории, как деятельность В.П. Данилова и созданных им коллективов российских и зарубежных исследователей. На наш взгляд, это своеобразный эталон разработки фундаментальных проблем истории России с оптимальным использованием имеющихся источников и кадров специалистов.

В 1990-е гг. и до своей безвременной кончины в 2004 г. В.П. Данилов упорно реализовывал идею публикации оказавшихся доступными источников по истории революции, гражданской войны, нэпа, коллективизации и довоенной истории советской деревни¹³. Делал он это в ущерб собственной авторской работе над монографиями, потому что боялся повторения прежнего опыта кратковременности гласности и демократии в России, о чем неоднократно говорил автору данной статьи.

Следует особо подчеркнуть, что общепризнанных научных результатов в области публикации архивных источников по аграрной истории России XX века В.П. Данилов сумел достигнуть в крайне неблагоприятных условиях: развала советской науки, нищеты российской. С помощью своих зарубежных друзей и коллег он нашел средства на подготовку и издание многотомных сборников документов. На гранты В.П. Данилова существовали большие научные коллективы, в том числе и автор статьи, которого он вытаскивал из московского метро, где тот зарабатывал на жизнь игрой на баяне.

Проекты В.П. Данилова имели государственный статус и ввиду их научной значимости не облагались налогами. То есть, В.П. Данилов не плясал под дудку зарубежных грантодателей. Он сам определял концепцию сотрудничества и научное содержание международных проектов. Отсюда и уважение к делу и памяти В.П. Данилова со стороны самых различных специалистов и научных структур.

В стремлении к исторической правде о крестьянстве в гражданской войне, коллективизации и по другим аспектам в полной мере проявилась его гражданская позиция.

С точки зрения новых знаний по истории России XX века В.П. Данилов очень убедительно доказал, что в этом столетии произошла великая трагедия великой крестьянской страны. Именно деревня, ее ресурсы обеспечили военно-промышленную мощь России в XX веке. Но цена, заплаченная за это деревней, оказалась огромной и ужасной. Это была ее трагедия, память о которой священна и должна не разделять, а объединять народы бывшего СССР.

Как гражданин своей страны В.П. Данилов в последние десятилетия проявил себя не только на историческом поприще. Он активно выступал против проводимой Горбачевым-Ельциным политики насильственного разрушения созданного крестьянским кровью и потом колхозного строя, крупного сельскохозяйственного производства. Считал глупостью насаждение мелких фермерских хозяйств на примитивной технической основе, без механизации и государственной поддержки. Не трудно заметить, что он оказался прав.

Зная, какую цену заплатила советская деревня за ее «революцию сверху», В.П. Данилов до конца дней своих оставался убежденным антисталинистом. Он один из немногих приверженцев идеи о существовании альтернативы сталинскому режиму. Ее он видел в политике правой оппозиции («бухаринская альтернатива») ¹⁴. По его мнению, главная вина Сталина заключалась в том, что он уничтожил демократическую традицию в социализме, создав общество, где балом правила бюрократия. В новом обличье она перешла в новый режим, завершив начатый Сталиным контрреволюционный переворот, замеченный в свое время Л.Д. Троцким ¹⁵.

На наш взгляд, бюрократически-олигархический характер установившегося в России политического режима, «кровно» связанного с советским прошлым, печальный факт современной России. И в этом смысле В.П. Данилов был прав.

Накануне 75-летия В.П. Данилова один из его любимых и успешных учеников В.В. Кабанов задал автору этой статьи вопрос: есть ли научная школа В.П. Данилова? На что тот ответил: в традиционном понимании этого слова – нет! И В.В. Кабанов согласился с таким ответом, сравнив учеников В.П. Данилова с растопыренной пятерней, вместо сжатого кулака.

У В.П. Данилова, как замечал его близкий друг, выдающийся американский исследователь советской истории России М. Левин, не было «педагогического такта». Он не был «дядей» и «папой» своих аспирантов, то есть, не опекал их в университетской традиции. Но за то, если он кого то брал к себе в ученики, то это означало, что они уже сами были готовы все делать и не нуждались в «дяде» и «папе». Им нужно было общее руководство учителя, его советы по возникающим вопросам принципиального, а не частного характера.

Как известно, В.П. Данилов защитил докторскую диссертацию в 58 лет, а получил аттестат профессора в 64 года! В 1989 г., будучи аспирантом, автор статьи участвовал в заседании отдела истории крестьянства и сельского хозяйства СССР Института истории СССР АН СССР, который в конце 1980-х гг. заслуженно возглавил В.П. Данилов. На нем рассматривался вопрос о присвоении Данилову звания профессора. Главным поводом этого в выступлении сотрудника отдела Н.И. Ивницкого было то, что В.П. Данилов часто выезжает за границу, и звание ему было необходимо для повышения престижа Института истории АН СССР! Затем выяснилось, что у В.П. Данилова за всю его научную карьеру было всего 5 аспирантов, включая автора настоящей статьи!

Поэтому научная школа В.П. Данилова – это не набор бывших остепененных аспирантов или получивших у него консультации докторантов, как принято обычно говорить в таких случаях. Это довольно значительная группа современных российских и зарубежных историков и ученых других специальностей, работающих в русле его научной концепции. Среди них доктора исторических наук: С.А. Есиков, Г.Е. Корнилов, М.А. Безнин, Т.Д. Надькин, Н.С. Тархова, Х. Окуда, Ким Чан Чжин, автор статьи и др.

Таким образом, научное наследие В.П. Данилова и его гражданская позиция продолжают оказывать влияние на современную российскую и зару-

бежную историографию аграрной истории России XX века, а сам историк останется в памяти современников и потомков как один из самых светлых и притягательных образов русского ученого-подвижника, историка и гражданина.

Примечания

¹ См. напр.: М.А. Вылцан, В. А. Емец, И. Н. Слепнев. Творческий путь Виктора Петровича Данилова // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 150 – 162; Они же. Виктор Петрович Данилов – фронтовик, гражданин, ученый, борец за демократию и свободу // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2011. С. 16 – 68.

² См.: Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства. Изд-во АН СССР. М. 1957.

³ См.: Кондрашин В.В. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918 – 1939 гг. (к итогам российско-французского проекта) // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 162 – 170.

⁴ См.: Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. С. 230.

⁵ См.: Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. – Ч. 1 / В. П. Данилов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 69 – 228.

⁶ Данилова Л. В. Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966 – 1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44 – 83; 2008. № 1. С. 61 – 95; 2008. № 2. С. 44 – 83.

⁷ См.: Археографический ежегодник за 1992 г. М.: Наука, 1994. С. 324 – 336.

⁸ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. Изд-во «Наука». М. 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. Изд-во «Наука». М. 1979.

⁹ Он же. Развитие кооперации в СССР в 20-е годы: опыт и его использование в современных условиях // Ленинские идеи кооперации и их использование в современных условиях. Сб. статей. М.: Агропромиздат, 1987.

¹⁰ Он же. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей. М.: Наука, 1971 и др.

¹¹ Он же. О русской частушке как источнике по истории деревни // Советская культура: 70 лет развития. Сб. статей. М.: Наука, 1987 и др.

¹² См. напр.: Данилов В. П. Капиталистические элементы в сельском хозяйстве СССР на первых этапах нэпа (20-е годы) // Сельское хозяйство и развитие капитализма. Изд-во «Ринити», Рим. 1971. (На итальянском языке); Он же. Община и коллективизация в России. Токио: Изд-во «Отнаноидзусебо», 1977. – 289 с. (На японском языке); Он же. Rural Russia under the Regime. Hutchinson Education. Indiana University Press. 1988. – 351 p. и др.

¹³ См.: Кондрашин В.В. В.П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX века // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37 – 43.

¹⁴ См.: Данилов В.П. 20-е годы: нэп и борьба альтернатив // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 23 – 32.

¹⁵ Он же. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Логос, 1999. С. 15.

П.С. Кабытов*

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ Г.А. ГЕРАСИМЕНКО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Аграрная история России XX веков: историография и источники»), проект № 13-01-00081

современной российской историографии существенно возрос интерес к изучению творческого наследия видных историков-аграрников, формирование концептуальных взглядов которых происходило в условиях господства марксистско-ленинской методологии. К числу таких исследователей относится и выпускник исторического факультета Саратовского государственного университета Григорий Алексеевич Герасименко. Его научное наследие обширно и насчитывает свыше 120 публикаций, в том числе 15 монографий¹, которые получили положительную оценку научной общественности, что нашло отражение в рецензиях, опубликованных в академических журналах «Вопросы истории», «История СССР» и в ряде других изданий². Отметим, что до настоящего времени отсутствуют статьи о вкладе ученого в разработку проблем аграрной истории. Безусловно это связано с тем, что поначалу Г.А. Герасименко занимался изучением двух основных проблем, которые находились в центре внимания советских историков, входивших в такое профессиональное объединение как Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», которым руководил академик И.И. Минц. Да и его научный руководитель, профессор Саратовского государственного университета В.К. Медведев настоятельно советовал аспиранту сосредоточиться на изучении истории партийной борьбы в Советах нижнего Поволжья в 1917 г. и особенностях установления советской власти в губернских и уездных центрах региона. Не случайно поэтому первые его книги были посвящены изучению этих проблем³. Если говорить о методологии исследования, которую использовал в своих научных исследованиях Г.А. Герасименко, то она шла в русле советской историографии. Кстати сказать, именно во второй половине 60-х гг. в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции шла подготовка коллективных монографий, в которых освещался процесс подготовки и проведения социалистической революции. Г.А. Герасименко входил в коллектив авторов, который опубликовал и издал в 1967 г. монографию «Октябрь в Поволжье»⁴. Руководителем этого коллектива был академик И.И. Минц. Поэтому концептуальные воззрения авторов этого издания не могли учитывать Г.А. Герасименко, который в своей первой монографии отме-

* © Кабытов Петр Серафимович, кафедра российской истории Самарского государственного университета.

чал особенности возникновения советов: «в крупных экономических центрах с сильными отрядами рабочих и солдат образование советов, как правило, встречало меньше трудностей, нежели в центрах с преобладанием мелкобуржуазных слоев населения»⁵. Здесь явно прослеживается генетическая связь с концепцией авторов коллективного труда. Новым было то, что исследователь подчеркивал роль солдат (крестьян, одетых в серые шинели) в процессе создания и функционирования советов. Историк также особо выделяет размежевание политических сил в офицерской и солдатской среде, которое завершилось созданием Совета солдатских депутатов, что привело к падению роли гарнизонного совета, в который вошли представители офицерского корпуса.

В центре внимания Г.А. Герасименко находились сложнейшие аспекты межпартийной борьбы в Советах Саратовской и Астраханской губернии. Исследование ведется на нескольких уровнях. Детально рассмотрен процесс создания Советов рабочих депутатов и показаны особенности слияния их с Советами солдатских депутатов. Подчеркивается, что в ходе объединения большевики сумели усилить свое влияние в Саратове и оттеснить на второй план меньшевиков и эсеров, которых автор вслед за ведущими советскими историками квалифицировал как членов мелкобуржуазных партий. Прослежены основные факторы, повлиявшие как на ход партийной борьбы в советах в уездных центрах, так и на своеобразии установления советской власти в нижнем Поволжье.

Через два года Г.А. Герасименко по заказу Саратовской областной организации общества «Знание» опубликовал брошюру, в которой с учетом концептуальных воззрений авторов коллективной монографии «Октябрь в Поволжье»⁶, проследил процесс установления советской власти в Саратовской губернии⁷. Так же как и в его первой монографии проблемы участия крестьянства в революционных событиях даются через призму объединения Советов рабочих депутатов с Советами крестьянских депутатов. Тем самым автор подчеркивал наличие союза рабочего класса с беднейшим крестьянством. Отмечена также роль солдат в установлении советской власти на местах и показано значение Декрета II Всероссийского съезда Советов «О земле»⁸.

В ходе работы в областных архивах Нижнего Поволжья Г.А. Герасименко неожиданно обнаружил массив опросных листов, в которых содержалась обширная информация о времени создания волостных советов и их деятельности. Всего им было выявлено 231 документ, которые были подготовлены к 5-му губернскому крестьянскому съезду. Изучив эти материалы, историк пришел к выводу об информативной значимости опросных листов. «Мы располагаем, – писал он в 1965 г., – чрезвычайно ценными архивными материалами, позволяющим с большей достоверностью восстановить процесс создания Советов крестьянских депутатов»⁹. В этой же статье он констатирует, что «уездные и особенно волостные Советы изучены совершенно неудовлетворительно»¹⁰. Заслуживает внимания и другой его вывод о необходимости критики источников, в том числе и материалов прессы. Он пи-

сал о необходимости тщательной критической проверки сведений опубликованных в газетах¹¹.

Начало научной карьеры складывалось так, что он оказался включенным в состав коллектива историков Поволжья, готовивших к публикации монографию «Октябрь в Поволжье». Вспоминая то время, Г.А.Герасименко отмечал, что эту группу входили В.К.Медведев, Е.И.Медведев, И.М.Ионенко «авторитетные ученые, представлявшие Нижнее, Среднее и Верхнее Поволжье, а конкретно Саратов, Самару и Казань»¹². Работа по согласованию концептуальных положений и редактированию текстов монографии осуществлялась при непосредственном участии академика И.И.Минца, который вместе с Е.Иллерицкой и А.П.Ненароковым обычно жили в номерах гостиницы «Волга». «Вот они то и вынесли – писал он – на своих плечах труднейшую работу по созданию, сплочению и руководству довольно большого авторского коллектива»¹³. Руководители коллектива были осведомлены о том, что Г. А.Герасименко написал оригинальную работу по истории Советов нижнего Поволжья, в которой впервые ввел в научный оборот новые архивные документы. Эти материалы, в том числе и по советам Астрахани, были использованы при написании коллективной монографии. Однако, после выхода в свет монографии «Октябрь в Поволжье» старые астраханские и волгоградские большевики обвинили авторов во всех смертных грехах, заявляя, что они исказили и даже оклеветали астраханских большевиков того времени, и неверно оценили их вклад в процесс борьбы за советскую власть.

Но предоставим слово Г.А. Герасименко: «Я был очевидцем того, какое впечатление письмо произвело на членов редколлегии. Оно было удручающим. А поскольку главным поставщиком архивных материалов по событиям в Астрахани был я ... то члены редколлегии обязали меня держать ответ перед старыми большевиками. Конечно, надежда на то, что я, начинающий тогда исследователь, вытащу их из этой ситуации, была мала. Ответ большевикам вылился в 24 страницы мелкого шрифта. И после того как члены редколлегии его подписали и отправили в ИМЛ [Институт марксизма-ленинизма – П.К.], никаких действий не последовало. Москва умолкла...». Меня особенно восхитили слова «Москва умолкла». Так убедительны были доводы молодого историка. Самое главное состояло в том, что участие в коллективной работе Г.А. Герасименко дало для него «очень много полезного и поучительного». Важным итогом этой работы было и то, что он стал одним из активных участников многих научных конференций, проводимых Научным Советом.

Вторая половина 1960-х гг. важнейший этап в жизни Г.А. Герасименко. Он тщательно штудирует новейшую литературу по истории второй российской революции. Примечательно то, что помимо региональных изданий он досконально изучает литературу, вышедшую не только в Москве и в Ленинграде, но и в других регионах страны. Его не могли не заинтересовать работы научных сотрудников Истпартов, которые были созданы по инициативе В.И. Ленина в 1922 г.

Интеллектуальный поиск новой масштабной научной проблемы активно шел и во время учебы Г.А. Герасименко на факультете повышения квалификации Московского государственного университета. Туда он был направлен в августе 1968 г.¹⁴. В стенах старейшего российского университета Г.А. Герасименко не только слушал лекции многих ведущих историков страны, но и установил научные контакты с профессором В.М.Селунской, бывшим в то время деканом исторического факультета МГУ академиком Ю.С. Кукушкиным и др. В те четыре месяца ему удалось много поработать и в архивах, и в библиотеках Москвы.

И все-таки при определении темы докторской диссертации для Г.А.Герасименко исключительно важное значение имели консультации с И.М.Ионенко и Е.И.Медведевым. Но если Медведев мог просто подбодрить: «Давай, Гриша работай, у тебя получится!» То И.М.Ионенко, будучи генератором научных идей и одним из признанных специалистов по истории крестьянства, мог без устали обсуждать различные аспекты истории аграрной революции в России. Поэтому общению с И.М.Ионенко Г.А.Герасименко всегда придавал особое значение.

В ходе этих обсуждений и раздумий у Г.А. Герасименко родилась идея приступить к изучению истории низовых крестьянских организаций в 1917 г. Но для этого надо было привлечь массовые источники, сохранившиеся в фондах государственных областных архивов. В отпускные месяцы он стремился хотя бы дней 20 поработать в архивах. Почему саратовский историк уделял работе в архивах первостепенное значение? Дело в том, что он поставил перед собой сложнейшую задачу – осуществить фронтальное изучение всего комплекса архивных источников. Исследователь отчетливо понимал, что только такой подход поможет понять крайне сложный и противоречивый характер аграрной революции и выяснить роль и место низовых крестьянских организаций в процессе установления советской власти. Вновь, как и прежде, при написании кандидатской диссертации, он ведет свое исследование в территориальных границах Нижнего Поволжья.

Фронтальное изучение документов, хранящихся в фондах государственных архивов Самарской, Волгоградской и Астраханской областей, позволило не только выявить громадный пласт массовых источников, но и в рамках марксистско-ленинской методологии предложить научному сообществу новое оригинальное решение проблемы участия в политической жизни региона низовых крестьянских организаций, которые сыграли видную роль в развитии аграрной революции в Нижнем Поволжье. Анализ историографической ситуации позволил выявить весь спектр оценок советскими историками социального состава Советов крестьянских депутатов. По мнению ученого историка не в полной мере учитывали роль и политический вес среднего крестьянства в докомбедовский период¹⁵. «В результате, – писал Г.А. Герасименко, – ликвидации частного землевладения и передела земли по едокам, осуществленной весной 1918 года значительная часть бедноты поднялась до уровня середняков»¹⁶. И далее следовал вывод «средние крестьяне уже в тот период становились главной фигурой в деревне»¹⁷.

А потому в монографии, а затем и в докторской диссертации Г.А. Герасименко поставил задачу установить: представители каких слоев сельского населения преобладали в Советах первого состава. Далее он стремился выявить «как изменилось соотношение сил в советах к лету 1918 г.»⁸. Весьма важен вывод о том, что в советской историографии отсутствовали «конкретно-исторические исследования, посвященные всей цепи низовых крестьянских организаций»¹⁹, возникших в период второй российской революции. В монографии воссоздан статистический портрет низовых крестьянских организаций, приведены результаты выборов в волостные и сельские исполнительные комитеты, выявлен их социальный состав, доказано что их состав стал меняться уже весной 1917 г., когда в деревню стали прибывать сотни тысяч уволенных в краткосрочный отпуск солдат. В результате к лету 1917 г. «волостные комитеты стали однородно-сословными крестьянскими учреждениями»²⁰.

Традиционно для советской эпохи саратовский историк анализировал цель столыпинской аграрной реформы, реализация которой привела «к дальнейшему обеднению общины и известной невилеровке общины»²¹. Г.А. Герасименко констатирует рост протестных выступлений, направленных против хуторян и отрубников. Убедительно выглядит таблица, в которой приведены данные о партийном составе членов волостных комитетов, их финансовом положении. Установлено, что члены волостных и сельских исполнительных комитетов получали символическую заработную плату и выполняли свои обязанности на общественных началах²². Новые данные приведены о динамике возникновения продовольственных комитетов Саратовской губернии, а также волостных и сельских советов. Подчеркнуто, что низовые крестьянские организации, не дожидаясь указаний сверху создавали собственную правовую базу. А «постановления сельских сходов, резолюции волостных, губернских и всероссийских собраний и уездов крестьяне рассматривали как закон»²³. Тем самым они стремились «обезопасить себя в правовом отношении»²⁴.

В результате нового прочтения массовых источников историк показал масштабы и направленность крестьянских выступлений крестьян против помещиков, частных владельцев и землеустроенных крестьян. Статистические данные, приведенные Г.А. Герасименко показывают, что пик выступлений против помещиков, казенного и церковного землевладения приходится на апрель 1917 г. (194 выступления), тогда как движение за ликвидацию хуторов и отрубов возросло в мае 1917 г. Из 65 выступлений крестьян 43 направлены на захват и ликвидацию хозяйств столыпинских выделенцев.

В центре внимания историка оказались также земельные комитеты, которые создавались летом 1917 г. теми же социальными слоями, что и волостные исполнительные комитеты. «Как и их предшественники, волостные земельные комитеты оказались в руках ... бедняков и середняков»²⁵. Они, опираясь на решения сельских сходов, решительно вторгались во все сферы экономической жизни села: брали на учет имения и экономии, конфис-

ковывали пашни и сенокосы, передавали сельскохозяйственный инвентарь крестьянам. По мнению Г.А. Герасименко, они внесли организующие начало в массовое крестьянское движение²⁶. В тоже время он отмечал, что к осени 1917 г. часть земельных комитетов «потеряла роль руководящих центров в деревне»²⁷ но большинство комитетов сохранило демократический состав.

В отличие от предшественников Г.А. Герасименко по-новому подошел к участию солдат в организации протестных выступлений в деревне, которые осенью 1917 г. переросли в восстания. Особенность этого этапа развития аграрного движения состояла в том, что если летом 1917 г. низовые крестьянские организации брали на учет помещичьи хозяйства и составляли описи имущества, то осенью стало увеличиваться число разгромов и разграблений частновладельческих владений. Резко возросло число протестных выступлений против землеустроенных хозяев – хуторян и отрубников. Об этом в частности свидетельствуют статистические данные, которые автор приводит в таблицах 11 и 12²⁸. Интересен вывод о взаимоотношениях властных структур с низовыми крестьянскими организациями, на которые в июле – августе 1917 г. был осуществлен «военно-бюрократический натиск Временного правительства», что привело к снижению протестных выступлений. Но, несмотря на это, они не были ликвидированы и осенью продолжали занимать демократические позиции.

По-новому освещен процесс создания волостных земств в Нижнем Поволжье. Безусловно, и в этом разделе присутствуют традиционные подходы к анализу взаимоотношений властных структур с политическими партиями накануне и во время проведения выборов в низовой аппарат земских учреждений, а потому автор привел иллюстративный материал о порой отрицательном отношении крестьян к этой инициативе Временного правительства. Вряд ли на современном этапе развития российской историографии можно согласиться с выводом Г.А. Герасименко о том, что на смену низовым крестьянским организациям «пришли антидемократические в основной массе кулацкие, правозеролевские волостные земские управы, которые своей консервативной, охранительной деятельностью оттолкнули от себя трудовое крестьянство, тем самым лишились его доверия и поддержки и ослабили организующее начало в крестьянском движении»²⁹. Но в то время иные концептуальные воззрения не могли получить поддержки научного сообщества. А потому историк, пытаясь обосновать свои выводы, и приводя статистические данные о числе крестьянских выступлений крестьян против помещиков и зажиточных крестьян, хуторян и отрубников³⁰, и в этом случае подкреплял их иллюстративным материалом.

По-новому представлен и процесс установления советской власти в ниже-волжской деревне. Приведены данные о ходе и итогах выборов в Учредительное собрание. Показана роль солдат в организации советов и установлении советской власти на местах. Большое внимание уделено изучению настроений бедняцко-средняцких слоев деревни в связи с изменением политической ситуации в стране. Отмечено, что вопросы о власти, о

земле и мире приобретали особую остроту. В монографии приведены статистические таблицы, в которых представлена динамика хода провозглашения советской власти в уездах региона, возникновении волостных составов; а так же приводятся статистические данные об отношении крестьян к советской власти весной 1918 г.

Автору удалось создать панораму деятельности волостных советов в докомбедовский период по основным направлениям: аграрная деятельность (конфискация помещичьих хозяйств, передача рабочего скота и сельхозинвентаря в распоряжение крестьянских советов; возвращение в общину земельных владений хуторян и отрубников, перераспределение земель, что позволило увеличить крестьянское землепользование.

В центре внимания историка оказались также военная, финансовая и продовольственная деятельность советов. Таким образом, весной 1918 г. Советы фактически сосредоточили в своих руках все основные вопросы жизнедеятельности, но они в условиях экстрима, нарастания социально-политических противоречий не смогли эффективно решать эти проблемы, что вынудило центральную власть перейти к чрезвычайным формам управления страной.

В монографии Г.А. Герасименко был поставлен и значительной степени по новому решен комплекс проблем, возникших в ходе аграрной революции. На основе анализа массовых источников показана роль низовых крестьянских организаций, которые по существу выступали организаторами массового аграрного движения.

Не случайно эта монография была высоко оценена научной общественностью и в 1978 г. опубликована в США³¹.

Изучение деятельности советов в докомбедовский период получила освещение в новой монографии Г.А. Герасименко, которая была издана в 1980 г. совместно с В.П. Семьяниновым³².

Проблемы участия трудящегося крестьянства в революции и создании советского государственного аппарата на местах и в то время оставалась одной из важных задач. По многим вопросам возникновения и деятельности докомбедовских крестьянских Советов, их социально-классового состава в литературе не было единого мнения. Как правило, дискуссии велись с привлечением незначительного количества документов низовых—сельских и волостных Советов. В монографии Г. А. Герасименко и В. П. Семьянинова впервые предпринята попытка на конкретно-историческом материале такого важного и крупного аграрного региона страны, как Поволжье, отличавшегося от других районов Европейской России многонациональным составом населения и различным уровнем развития капитализма в деревне, рассмотреть социальный состав и характер деятельности низовых крестьянских Советов первого созыва, определить их место и роль в новой государственной системе. В своих наблюдениях и выводах авторы опираются, прежде всего, на документы низовых крестьянских Советов (анкеты, опросные листы, протоколы и др.), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Обработка массовых источников позволила им аргумен-

тировано решить вопрос о социальном составе и характере деятельности низовых Советов крестьянских депутатов в Поволжье.

Освещая расстановку классовых сил, авторы показывают, что идею Советов поддержали все трудящиеся крестьяне. В традициях советской историографии они приводят материалы сельских сходов и собраний, созываемых солдатами, представителями Советов рабочих и солдатских депутатов, членами РСДРП (б), на которых крестьяне выражали свое отношение к революции, осуждали политику Временного правительства, выступали в поддержку Совета народных комиссаров. Характеризуя позицию земств, авторы констатируют, что эти органы солидаризировались с буржуазно-помещичьей властью и принимали меры к оказанию помощи Временному правительству: «По главному вопросу революции — вопросу о власти — буржуазная сущность земских учреждений проявилась наиболее рельефно»³³.

Авторы устанавливают время и способы ликвидации земств. Они доказывают, что исход борьбы за власть Советов в деревне был смещен во времени и находился в прямой зависимости от классовой борьбы в городе. Коренные политические и социально-экономические преобразования в городах явились важным фактором подрыва влияния эсеров в деревне. Мощное воздействие на процесс установления Советской власти в сельской местности оказывали губернские комитеты партии большевиков, губернские, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также губернские крестьянские съезды, которые явились «настоящей политической школой для представителей волостей»³⁴. Оценивая роль и значение таких массовых объединений, как крестьянские съезды, авторы, к сожалению, не охарактеризовали с достаточной полнотой значение III Всероссийского съезда Советов и объединения Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов для установления Советской власти в деревне.

Г. А. Герасименко и В. П. Семьянинов уточнили время массового создания волостных Советов в губерниях Поволжья (ими выявлены сроки создания 830 волостных Советов)³⁵, анализируя при этом особенности социально-экономического развития региона, деятельность большевистских организаций, позиции эсеров.

Большое внимание уделено в монографии анализу роли и деятельности солдат, агитаторов ЦК РСДРП(б), Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, делегатов крестьянских съездов по созданию низового аппарата Советской власти. При всем многообразии структурных подразделений и норм представительства в Советах, отмечают авторы, в целом низовой аппарат Советской власти мог вполне квалифицированно осуществлять политические, административно-хозяйственные, культурно-просветительные функции³⁶.

Конкретно-исторический материал, приводимый в книге, свидетельствует о том, что эффективность деятельности волостных Советов, их авторитет и влияние находились в прямой зависимости от того, каков был их социальный состав, интересы каких слоев крестьянства они отстаивали. В

докомбедовские Советы избирались представители всех социальных групп деревни, но кулаки и другие представители сельской буржуазии в момент создания низовых Советов заняли по отношению к ним враждебную позицию, продолжая поддерживать земства, поэтому «состав волостных и сельских Советов первого созыва сложился в пользу трудящихся слоев сельского населения»³⁷. Об этом свидетельствует деятельность Советов, направленная на удовлетворение интересов бедноты и середняков.

Подробно анализируется в монографии участие волостных Советов в аграрных преобразованиях. Показаны методы ликвидации помещичьих имений, подчеркнуто, что Советы распределяли землю в абсолютном большинстве случаев по едокам, т. е. в интересах трудящихся. Авторы выделяют две стадии в процессе ликвидации имений. На первой, когда этим занимались земельные комитеты и земства, в дележе могли участвовать все жители, предпочтения беднякам не отдавалось, поэтому большая часть имущества досталась зажиточным. На второй стадии распределение помещичьего имущества в Поволжье взяли в свои руки Советы, которые прежде всего учитывали интересы бедняков и середняков. Аграрная деятельность Советов вызывала доверие масс и способствовала преодолению погромных настроений, получивших в Поволжье довольно значительный размах. Убедительно показано, что в ходе перераспределения земель позиции сельской буржуазии оказались подорванными, по капиталистическим отношениям в деревне был нанесен сильный удар.

Освещая военную деятельность Советов, Г. А. Герасименко и В. П. Семейнинов считают, что создание отрядов Красной гвардии и народных дружин было вызвано необходимостью противостоять попыткам помещиков и сельской буржуазии воспрепятствовать установлению Советской власти. В монографии рассматриваются принципы формирования отрядов сельской Красной гвардии, находившихся, как правило, в распоряжении Советов, которые определяли права и обязанности красногвардейцев, порядок прохождения службы и т. д., обеспечивали их оружием, обмундированием, продовольствием. Авторы отмечают особенности формирования отрядов Красной гвардии — создавались они там, где чаще вспыхивали кулацкие мятежи и где уезды подвергались нападению казачьих банд. Так, в Самарской и Саратовской губерниях их было организовано в несколько раз больше, чем в остальных губерниях Поволжья. Эти вопросы были в то время недостаточно освещены в литературе, и авторы вносят определенный вклад в анализ процесса создания крестьянской Красной гвардии в Поволжье.

В монографии рассмотрена, причем впервые, финансовая деятельность волостных Советов. Несмотря на трудности, Советское правительство изыскивало возможности для финансирования губернских и уездных Советов, но, не будучи в состоянии удовлетворить потребности низовых Советов, ориентировало их на самостоятельный сбор средств (доходы от ликвидации имущества частновладельческих имений, контрибуции и налоги с буржуазии и кулаков, займу, субсидии и т. д.). По мнению, авторов, позиция

середняка, который в связи с ликвидацией частного землевладения и переделом земель становился главной политической фигурой в деревне, была одной из причин слабой финансовой деятельности волостных Советов. Попытки решения финансовой проблемы неизбежно затрагивали материальные интересы середняков, а потому в политической обстановке того времени среднее крестьянство стало склоняться на сторону сельской, буржуазии. К лету 1918 г. в значительной части низовых Советов пролетарская, антикулацкая направленность их деятельность была ослаблена. Эти обстоятельства и выдвинули на первый план задачу создания комитетов деревенской бедноты, способных последовательно проводить в жизнь пролетарскую линию³⁸.

В книге анализируются причины неудачи продовольственной политики Советской власти в первой половине 1918 года. Однако объективные и субъективные обстоятельства (например, неурожай 1917 г. и изменения в составе Советов) не разграничены. Слабо показано руководство низовыми Советами со стороны большевистских организаций. Почти отсутствуют сведения о создании и деятельности сельских Советов.

Г.А. Герасименко приехал в Москву в 1980 г., когда, казалось бы, устойчивого социализма были незыблемы. Это было время, когда отечественная историография находилась под административным воздействием партийных органов. Неосталинская концепция в научных трудах историков становилась господствующей. Поэтому определение проблематики научных исследований было чрезвычайно актуальным для Г.А. Герасименко. Он вполне мог заниматься изучением молодежного движения в нашей стране, но еще в Саратове, работая над докторской диссертацией, Г.А. Герасименко установил, что массовое аграрное движение выступало за отмену частной собственности на землю, и в том числе за возвращение в распоряжение сельской поземельной общины земель, укрепленных в личную собственность хуторянами и отрубниками. Поэтому он считал, что изучение крестьянского движения в период между двумя российскими революциями может многое прояснить в характере и особенностях революции 1917 г.

Конечно, Г.А. Герасименко хорошо знал о дискуссиях, которые велись представителями нового направления в советской исторической науке (А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, В.П. Данилов, М.Я. Геллер) и официальными историографами, которые считали, что к 1917 г. в российской деревне господствовали капиталистические отношения. Речь шла главным образом об особенностях и характере аграрного строя России начала XX века. Но Герасименко в большей степени волновали не экономические характеристики состояния сельского хозяйства, а реакция крестьян на крутой поворот в аграрной политике императора Николая II. Суть ее состояла в разрушении сельской поземельной общины и создании слоя земельных собственников из числа землеустроенных крестьян, укрепивших земельные наделы в личную собственность.

Его новая монография, в которой раскрывались формы и методы противодействия крестьян столыпинской земельной реформе, была опубли-

кована издательством Саратовского университета в 1985 г.³⁹ Я был рецензентом этого издания. Научным редактором монографии был выдающийся историк-аграрник В.Г. Тюкавкин. В отличие от прежних исследований, которые имели региональный характер, в этой монографии анализировалось крестьянское движение в губерниях Европейской России. Это потребовало значительного времени, большая часть которого ушла на сбор материалов. Г.А. Герасименко проделал огромную работу по изучению документальных публикаций, а затем по выявлению огромного массива источников в фондах Центрального государственного исторического архива (ныне РГИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ). Автор привлек также и материалы центральных и региональных периодических изданий.

Монография Г.А. Герасименко появилась на сломе двух эпох. С одной стороны в советской историографии доминировали принципы и методы марксистско-ленинской методологии, а с другой явно наметились новые подходы в изучении аграрной истории России. В этой связи в его новом научном труде как в зеркале нашли отражение обе тенденции. Так, автор монографии вслед за многими советскими историками пишет о провале аграрной политики царизма⁴⁰. Традиционно историк считал, что «история реформы является историей борьбы общинников против выделенцев»⁴¹. Далее, отмечая рост социальных противоречий внутри крестьянства, он приходит к выводу о том, что «напряженные столкновения между бедной и зажиточным крестьянством вылились в настоящую социальную войну»⁴². Но есть и другие оценки. По его мнению реформа «ускорила развитие капитализма в сельском хозяйстве, усилила расслоение крестьянства и крайне обострила классовую борьбу в деревне»⁴³. Заслуживает внимание анализ оппозиционных настроений в деревне в связи с принятием указа 9 ноября 1906 г. «Оппозиция, – полагал Герасименко, – не поддается какому-либо точному статистическому выражению – слишком разнообразным было ее проявление. Она представляется в виде огромного айсберга, большая часть которого была скрыта от представителей власти»⁴⁴.

По новому звучит вывод Г.А. Герасименко о протестном движении крестьян, которое развивалось в двух направлениях: противодействие крестьян при проведении землеустроительных работ и систематическое давление крестьян на выделенцев⁴⁵.

Герасименко анализирует роль властных структур в проведении реформы, показывает отношение крестьян к землеустроительным комиссиям, раскрывает формы противодействия крестьян проведению в жизнь новой имперской аграрной политики. Ярко и эмоционально выглядит воссозданная историком картина, которая дает представление о взаимоотношениях общины и выделенцев, против которых использовались разнообразные эффективные методы и приемы. И далее он формулирует выводы о том, что к 1914 г. «внутри крестьянские противоречия стали настолько острыми, что всякий инцидент с землеустроителями вел к столкновениям с теми, кто пытался с помощью реформы урвать себе лучшую часть надельных земель»⁴⁶.

Научную значимость не потерял и другой вывод Герасименко. «Экономически состоятельная часть деревни, покидая общину, постепенно ослабляла возможность влиять на сходы и тем самым теряла право избирать и быть избранными в волостные и сельские органы»⁴⁷, что подталкивало П.А. Столыпина к инициированию введения в Российской империи института волостного земства. Но его идея не нашла поддержки.

К числу несомненных достоинств, проделанной Г.А. Герасименко работы, следует также отнести скрупулезный подсчет количества крестьянских выступлений, что позволило представить реальные масштабы протестных акций в ходе реализации столыпинской аграрной реформы. Да и сам материал, которым располагал историк подводил его к выводу о том, что в деревне оформилось демократическое большинство, которое по инерции продолжило видеть в общине защитника своих интересов, а сама сельская поземельная община в условиях экстрима вынуждена была искать все новые и новые методы защиты своих интересов.

Изучая историю Советов в период второй российской революции Герасименко не мог не заметить, что земства играли видную роль в революционных событиях. В течении пяти лет он работал над монографией «Земское самоуправление в России». Книга была опубликована в издательстве «Наука». После ее выхода я написал на нее рецензию и отослал в журнал «Вопросы истории». Несмотря на то, что монография была написана на основе марксистско-ленинской методологии, в ней явно просматривались новые подходы в освещении революции 1917 г. Вот как Г.А. Герасименко обосновал необходимость изучения этой демократической институции. Во введении он пишет, что и российские дореволюционные и зарубежные историки традиционно рассматривали земства в виде внеклассовой идеальной системы управления, ссылаясь на книгу, изданную американскими историками в США⁴⁸.

Г.А. Герасименко констатирует: в процессе «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую земства являлись серьезной политической силой, и чем выше становился накал классовой борьбы, тем острее становилась борьба за власть на местах. Мы не знаем ни одной губернии и даже уезда, где бы земские учреждения оказались в стороне от этой борьбы»⁴⁹.

Г.А. Герасименко обосновывал выбор земской проблематики как ее научной, так и политической значимостью. Дело в том, что исследователи второй русской революции основное внимание сосредотачивали на деятельности большевистской партии и Советов, что, вполне естественно, вело к одностороннему освещению исторического процесса. Сам факт признания этой односторонности весьма симптоматичен. На наш взгляд, это одна из первых попыток Г.А. Герасименко выйти за границы марксистско-ленинских мифологем. «Без воссоздания, – отмечает автор, – истории земских учреждений картина распространения советской власти по стране останется односторонней, неполной»⁵⁰.

Новая монография Герасименко основательно фундирована. Она написана на широкой источниковой основе. В ней представлены материалы не

только центральных, но и областных государственных архивов. Цитировались также материалы периодической печати. Весьма ценным являлось привлечение им документов, авторами которых были рабочие, крестьяне и солдаты. «Именно они придают колорит эпохе и заслуживают особого доверия», – подчеркивает Г.А. Герасименко.

До февральский период освещен в книге в основном по уже имеющейся литературе, хотя по некоторым менее значимым вопросам, автор привлекает новые источники. Рассматривая период между первой и второй русскими революциями, автор весьма подробно рассказывает о попытке П.А. Столыпина поставить земства на службу аграрной реформе. Интересна характеристика состояния органов земского самоуправления накануне Февральской революции.

По мнению автора, основным результатом, достигнутый земствами за полвека их существования, это земский аппарат и его кадры, которыми буржуазия могла воспользоваться при переходе государственной власти в ее руки. «Подобно тому, как рабочий класс к моменту Октябрьской революции имел готовый механизм государственной власти в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в канун Февральской революции в качестве буржуазного аппарата управления оказались земские учреждения и армия земских служащих, способных пустить его в дело»⁵¹.

Конечно, и в то время историк не избежал искушения дать привычные для советской историографии оценки. Так он привел материалы о том, что царская бюрократия якобы сделала все от нее зависящее, чтобы подавить ростки нового общественно-политического института. И далее он говорит о том, что она выступала против земской реформы на всех стадиях ее разработки. Борьба шла по важнейшему вопросу – о линии разграничения, отделяющей хозяйственные проблемы уездов и губерний от политических вопросов. Автор показывает, какими сложными и противоречивыми процессами сопровождалось рождение земств. Бюрократия сумела их приспособить к своим потребностям. В итоге земства были скованы бюрократической опекой.

И, тем не менее, автор подчеркивает, что система земств оказалась работоспособной. Их жизнеспособность обеспечивалась, прежде всего, тем, что они были самоуправляющимся механизмом: сами избирали свои руководящие органы, определяли структуру управления, направления своей деятельности, подбирали и готовили нужных им специалистов и т.д. К тому же они располагали значительными финансовыми возможностями, поскольку имели право вводить специальные налоги.

Основное внимание в монографии уделено истории земства в 1917-1918 годах. Этому периоду посвящены пять глав. Вошедшие в них сюжеты во многом исследованы впервые. Выяснение роли и места земств, представлявших, по мнению автора, правое крыло российского общества в событиях 1917 г., позволяет, по его мнению, более точно определить расстановку сил в революции 1917 г. и правильнее оценить сущность общественно-политических институтов, представлявших эти силы.

Восстановление подлинной истории земства дает возможность получить более полное представление и о Февральской революции, и о событиях лета и осени 1917 г., и об Октябрьской революции. Советы, с одной стороны, земства и думы – с другой, представляли два противоположных пути развития революции: первые – революционно-демократический, а затем и пролетарский, вторые – буржуазный. Борьба земств против Советов шла с переменным успехом. Земствам иногда удавалось захватить власть в свои руки, однако удержать ее на более или менее длительное время они были не в состоянии.

По вопросу о причинах краха земского самоуправления в науке ведутся споры. Американский историк У. Розенберг считает, что земства сошли со сцены из-за темноты, невежества и консерватизма крестьян, их приверженности к старым институтам управления и враждебности к либеральному конституционализму⁵². Герасименко еще по инерции полагал, что главная причина краха земского самоуправления заключалась в том, что земства изначально и после земской реформы Временного правительства были буржуазными учреждениями. Борьба между Советами и органами местного самоуправления непосредственно отражала противоборство рабочего класса и крестьянства с буржуазией, в ходе которого пролетариат показал себя более организованным, сплоченным и сильным, нежели буржуазия, и поэтому одержал победу.

Нельзя не отметить, что деятельность земств в годы первой русской революции представлена в книге мимоходом и бегло, хотя она и заслуживала самостоятельного анализа. Деятельность же земств в предреволюционный период показана весьма основательно и полно. При рассмотрении места и роли земства в революции 1917 г. на первый план снова выходят общие социально-политические сюжеты, а история собственно земства отступает на второй план и воссоздается лишь фрагментарно.

В начале 1990-х гг., впрочем, как и прежде, он занимался организацией учебного процесса в Академии, которая получила новый статус и стала именоваться Российской академией государственной службы при Президенте РФ, а также продолжал научную разработку проблем второй российской революции. Именно в это время он активно исследует процесс создания и деятельности общественных исполнительных комитетов, которые сыграли видную роль в период революционных событий 1917 года. Удивительно, но факт, книга, была подготовлена к изданию всего за два года⁵³. В ней явно прослеживается стремление историка использовать новые подходы в освещении истории исполнительных общественных комитетов, которые, по мнению Г.А. Герасименко, по сути дела, в 1917 г. выступали организационным оформлением народовластия в России. Это проявилось в ходе постановки проблемы и анализа научной литературы по изучаемой теме. Прежде всего, он установил, что общественные исполнительные комитеты были широко распространенной формой народовластия. Однако они оказались не нужными ни Временному правительству, ни большевикам, для которых идеальной формой власти стали Советы⁵⁴.

Герасименко выделяет этапы в организации и деятельности этих комитетов – «крутой подъем весной, резкий спад к середине лета» и медленное умирание в августе и сентябре. Случилось так, что они оказались на обочине революционного процесса. А сама история общественных исполнительных комитетов изучалась историками через призму борьбы пролетариата и буржуазии, а потому в оценке их деятельности наблюдалась, по определению Г.А. Герасименко, «разноголосица». Он выделяет также этапы в развитии историографии проблемы. По его мнению, историки 1920-х гг. заложили основу для ее изучения. Но в 1930-1950-е гг. историографическая ситуация изменилась, так как «на смену политическому плюрализму, характерному для 1920-х гг., пришла жесткая регламентация интеллектуальной и культурной жизни, монополярная ортодоксия, унылое единомыслие и нетерпимость к иному мнению. Здесь звучит явный намек на «Краткий курс истории ВКП(б)»»⁵⁵.

В советской исторической науке возобладало мнение, что общественные исполнительные комитеты по своему составу были буржуазными и являлись местными органами Временного правительства. Причем историки не только фальсифицировали исторический процесс при анализе деятельности этих организаций, но и публиковали документы с купюрами и сокращениями⁵⁶. Более того, в 1950-х гг. «историки стали единодушно утверждать, что вхождение большевиков в общественные исполнительные комитеты было ошибкой, поскольку это усиливало позиции буржуазии и увеличивало соглашательские настроения масс»⁵⁷. Эти концептуальные воззрения в 1960-е гг. пытались пересмотреть Ф.С. Горовой и И.М. Гантман. Но как только они стремились выйти за пределы искусственно сконструированной системы мифологем, тут же появилась статья сотрудника института марксизма-ленинизма А. Совокина с критикой взглядов Ф.С. Горового⁵⁸. И в 1960-е гг., отмечал далее историк, историографическая ситуация практически не изменилась. Г.А. Герасименко правомерно считал, что новые подходы в изучении истории общественных исполнительных комитетов наметились в 1970-е гг.

Эти новации стали возможны лишь после появления фундаментальной работы Г.А. Герасименко о низовых крестьянских организациях, которая стимулировала историков к пересмотру традиционных взглядов на эту проблему. Тщательно проанализировав научные взгляды А.Я. Грунта, Г.Г. Макарова, Е.Н. Бабиковой, А.М. Андреева, Н.Г. Думовой, он пришел к выводу, что преодолеть традиционные взгляды на роль и характер общественных исполнительных комитетов историкам 80-х гг. не удалось.

В первой главе монографии анализируется процесс организации губернских, уездных и сельских общественных исполнительных комитетов. Губернские комитеты возникли в первые дни марта 1917 г. «непосредственно на митингах и собраниях в гуще народного движения»⁵⁹. Обоснованно звучит вывод о том, что определяющее влияние масс на комитеты проявилось как в разных названиях этих организаций, так и в различной структуре. В них входили представители всех слоев населения, и функционирова-

ли они за счет пожертвований. Г.А. Герасименко отметил губернские центры, в которых буржуазия сумела провести в эти комитеты много своих сторонников. Но были и такие города, в комитетах которых преобладали леворадикальные элементы. В большинстве же губернских комитетов основу составляли представители средних слоев населения.

В монографии приведены новые данные о процессе возникновения уездных комитетов, которые дали основание Г.А. Герасименко отнести уездные комитеты к последовательно демократическим учреждениям⁶⁰.

Интересны выводы и наблюдения Г.А. Герасименко о процессе создания волостных и сельских комитетов, на возникновение которых значительное влияние «оказывала общинная организация сельской жизни», а потому автор считает их состав демократическим. В монографии также приведены сведения о финансовом обеспечении низовых организаций, их взаимоотношениях с губернскими и уездными комитетами и комиссарами Временного правительства. Акцентируется внимание на правах волостных и сельских комитетов, которые, «по их собственному мнению, были безграничны»⁶¹.

Анализируя процесс создания комитетов, их социальный состав, взаимоотношения с органами власти Временного правительства, Советами и политическими партиями, Г.А. Герасименко пришел к выводу, что губернские, уездные, волостные и поселковые (сельские) комитеты «представляли собой звенья единого общественно-политического института, сложившегося в стране после свержения самодержавия»⁶². Именно комитетами был сломлен старый аппарат управления и развернута борьба за политические свободы, 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы. Представляя все больше полномочий и прав губернским и уездным комиссарам, Временное правительство шло по линии ограничения полномочий общественных исполнительных комитетов. В ходе революции исчезли лояльность и осознание необходимости совместных действий общественных исполнительных комитетов и Советов, что в конечном счете привело к изоляции комитетов и их краху. Итак, в монографии Г.А. Герасименко убедительно доказал, что низовые общественные исполнительные комитеты были созданы не буржуазией, не помещиками, не городскими думами и земствами, они возникли в результате правотворчества масс и сыграли видную роль в демократизации жизни страны в 1917г.

На этот важнейший вывод он опирался и в другой своей монографии «Народ и власть. 1917», которая вышла в свет в 1995 г.⁶³. Работа над этой монографией шла в самый сложный период становления новой российской государственности. Периодически повторявшиеся политические кризисы, в том числе события октября 1993 г., приведшие к краху советской системы и принятию новой Конституции Российской Федерации, создание новой системы органов государственного управления, военные конфликты, развязанные террористами на юге страны, – эти и другие факторы не могли не оказывать воздействия на эмоциональное состояние историка. Уже в конце 80-х гг. в ведущих научных центрах страны стала разраба-

тываться такая важнейшая проблема, как взаимоотношения власти и общества на различных этапах российской истории. И, конечно, Г.А. Герасименко не мог пройти мимо этой актуальной проблемы. Сама логика жизни и исследовательской работы подводила ученого к этой теме. К тому же в личном архиве историка был собран богатейший материал, который ранее лишь частично использовался в его опубликованных трудах.

Изучая научное наследие Г.А. Герасименко, я выявил некоторую закономерность. В саратовский период Григорий Алексеевич исследовал историю Советов, а затем низовых крестьянских организаций. В московский период он сосредоточил внимание на изучении деятельности земства и общественных исполнительных комитетов, которые и по своему составу, и по характеру деятельности отражали интересы широких народных масс.

Но вне поля зрения историков длительное время оставался такой важнейший институт Временного правительства, как губернские и уездные комиссары. Сам Г.А. Герасименко считал, что монография «Народ и власть» является логическим продолжением его книг, изданных в начале 1990-х гг.⁶⁴ В этой монографии он оперирует такими дефинициями, как народный фронт, политическое равновесие, народная программа и т.д. Все это свидетельствует о том, что исследователь отходит от одномерного отражения революционного процесса, который был характерен для научных работ советских историков. Так, оценивая ситуацию в стране сразу же после свержения самодержавия, он пишет о том, что антицаристский фронт трансформировался в народный. «Противостояние в обществе получило иную форму: линия политического разграничения на этот раз прошла между народным фронтом и цензовой частью общества»⁶⁵.

И далее он отмечал, что рабочие и солдаты, представлявшие леворадикальное крыло, стали откровенным противовесом буржуазно-помещичьему лагерю. Фиксируя взлет активности масс в первые дни революции, историк заметил, что именно тогда и Временное правительство, и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов пошли на взаимные уступки. Это привело к снятию хотя и краткосрочному остроты противоречий в обществе. Однако это единение общественных сил было недолгим. Обострение противоречий между крайними полюсами привело к углублению противоречий внутри демократических сил – констатирует историк. Такой подход историка к освещению революции 1917 г. является, на наш взгляд, продуктивным. В основном борьба между радикалами и демократами развернулась за Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов⁶⁶. Интересны рассуждения автора о том, что угроза установления диктатуры исходила как от буржуазно-помещичьего лагеря, так и от демократического.

Традиционно при анализе взаимоотношений народа и власти Г.А. Герасименко вновь возвращается к описанию процесса организации и деятельности общественных исполнительных комитетов. Такой анализ нужен ему для того, чтобы еще раз подчеркнуть роль, которую сыграли эти органы народовластия в 1917 г. Пожалуй, новым является то, что, по мнению историка, комитеты занимали центристские позиции.

Но основное внимание в монографии уделено анализу формирования властных структур в период функционирования Временного правительства. И здесь в центре внимания находится институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства. Автор детально исследует правовые акты, в которых сформулированы принципы формирования на местах новой власти, определены функции и компетенции комиссаров Временного правительства.

Отмечается значение телеграммы князя Львова от 5 марта, которая, по существу, стала первым правовым актом, положившим начало процессу замены губернаторов губернскими комиссарами. Автор приводит противоречивые отклики политических деятелей на эту телеграмму.

Г.А. Герасименко много внимания уделяет отношению народных масс к процессу создания новых властных структур. «Главным пунктом противоречий между правительством и народом стали требования указа о назначении комиссаров из центра и непременно из земской среды. Народ имел иное мнение об организации местной власти, справедливо полагая, что это его собственное дело»⁶⁷. В этой связи он считает, что под напором критики Временное правительство впоследствии отказалось от принципа назначения и установило принцип утверждения избранных на местах лиц. В целом Временному правительству удалось быстро оформить институт комиссаров. Несмотря на «административный нажим и жесткую регламентацию, его структура оказалась весьма разнообразной и существенно отличалась от той, которую навязывало МВД»⁶⁸ – отмечает историк.

Г.А. Герасименко весьма обстоятельно говорит об отстранении комиссаров от должности, занявших ее по указу Временного правительства, о правовых актах, расширявших функции комиссаров, о взаимоотношениях общественных исполнительных комитетов и Советов с губернскими и уездными органами власти. Он подчеркивает, что уже в мае-июне 1917 г. Советы все «настойчивее заявляли права на власть и вмешивались в компетенцию комиссаров»⁶⁹. С другой стороны, комиссары Временного правительства к лету 1917 г. взяли в свое ведение канцелярии губернаторов, уездных исправников, землеустроительных комиссий, завладели материально-технической базой других учреждений, обслуживавших царских чиновников. Они все чаще использовали вместо убеждений карательные приемы⁷⁰.

Особое внимание в данной монографии Г.А. Герасименко уделяет расстановке политических сил после июльского кризиса 1917 г., когда комиссары получили преимущество над своими конкурентами. Историк приводит данные об ограничениях со стороны Временного правительства деятельности местных Советов, о применении против них санкций. Но это не ослабило претензий Советов на власть. Они все чаще вмешиваются в процедуру избрания комиссаров, вторгаются в их полномочия. Г.А. Герасименко считает, что оформление режима личной власти А.Ф. Керенского началось сразу же после июльских событий. Корниловский мятеж на короткий срок укрепил престиж А.Ф. Керенского. А затем в условиях созревания общенационального кризиса все структуры власти Временного правительства,

в том числе и институт губернских и уездных комиссаров, оказались неспособными управлять страной. «Главная же причина развала местной власти заключалась в том, что они (комиссары. – П.К..) попали в политическую изоляцию. Они полностью утратили доверие народа...»⁷¹. Итак, Г.А. Герасименко пришел к выводу, что сформированная демократами система правления к осени 1917 г. себя исчерпала. Он характеризует возникшую в стране ситуацию как формирование двух альтернативных режимов, которые «были еще более жесткие, откровенно насильственные, диктаторские режимы: крайне правый, в виде диктатуры буржуазии и генералитета, и крайне левый, тоталитарно-партократический»⁷². Как видим, автор монографии преодолел традиционные мифологемы и сумел по-новому осветить взаимоотношения народа и власти в период второй российской революции.

Подведем предварительные итоги. На начальном этапе научной деятельности – в 60-е гг. XX в. Герасименко изучал историю Советов Нижнего Поволжья, а затем деятельность низовых крестьянских организаций. По этим проблемам он издал 7 книг в издательстве Саратовского университета и одну в США, что вывело его в ранг ведущих историков второй российской революции. Несмотря на то, что эти исследования были написаны на основе марксистско-ленинской методологии, они, несомненно сохраняют и до ныне свою научную значимость так как автор, вводя в научный оборот огромный пласт массовых архивных источников, так или иначе начинал по-новому формулировать свои теоретические выводы и наблюдения, которые пока еще были прикрыты флером традиционной для тех лет советской научной риторики. При изучении аграрной истории историк, во-первых, пытался опереться на архивные материалы, отсюда стремление к фронтальному изучению архивных фондов, что позволило не только определить, но и воссоздать социальный, партийный состав крестьянских организаций и основные направления их деятельности. Поэтому для того времени исследования Г.А. Герасименко имели новаторский характер. Особенно ярко эти новации были использованы при написании докторской диссертации и в монографии по истории низовых крестьянских организаций.

В московский период проблематика исследований Г.А. Герасименко существенно расширилась. Здесь особо следует отметить его монографии о крестьянском движении в период реализации столыпинской аграрной реформы и истории земства. Изучение этих проблем велось не в локальных рамках, а в масштабе России. В 90-е гг. XX в. в его исследованиях явно прослеживается тенденция отойти от традиционных стереотипов и марксистских мифологем и по-новому анализировать ключевые проблемы России. Несомненно, одно – Г.А. Герасименко внес существенный вклад в изучение аграрной революции России начала XX в.

Примечания

¹ См. подробнее: Кабытов П.С. Профессор Григорий Алексеевич Герасименко // Известия Саратовского университета. Серия. История. Международные отношения. Отдельный оттиск. 2009. Т. 9. 27 с.

² См.: Кабытов П.С. Г.А. Герасименко, В.П. Семьянинов. Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). Изд-во Саратовский университет. 1980. 228 с. // Вопросы истории 1982 №1, С. 129-131; Седов А.В. Шагин Э.М. Герасименко Г.А., В.П. Семьянинов Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). Изд-во Саратовский университет. 1980. 228 с. // История СССР, 1982 №5, С. 162-163; Пушкарева И.М. Г.А. Герасименко. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 344 с. // История СССР, 1988. №3. С. 181-184; Кабытов П.С. Г.А. Герасименко Земское самоуправление в России. М. Наука 1990. 264 с. // Вопросы истории, 1991, №2-3. С. 243-245, и др.

³ Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 г.), Саратов, изд-во Саратовского университета, 1966; Он же. Победа Октябрьской революции в Саратовской губернии. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1968.

⁴ Октябрь в Поволжье. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1967.

⁵ Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 г.)... С. 14.

⁶ Октябрь в Поволжье. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1967.

⁷ Герасименко Г.А. Победа Октябрьской революции в Саратовской губернии. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1968. 51 с.

⁸ Там же. С. 19, 20

⁹ Герасименко Г.А. Возникновение Советов в Нижнем Поволжье (1917 – начало 1918 гг.) // Аспирантский сборник (история СССР). Вып. 1. Саратов, 1965, С. 50.

¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Герасименко Г.А. Ефрем Игнатьевич Медведев и создание коллективного труда по истории революции 1917 года в Поволжье / Г.А. Герасименко // Историки и история в меняющемся мире. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Е.И. Медведева. Самара. 2003. С. 13.

¹³ Там же.

¹⁴ Личный архив автора.

¹⁵ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 первой половине 1918 гг. на материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 33.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 34.

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ Там же. С. 55.

²¹ Там же. С. 58.

²² см.: Там же. С. 67.

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Там же. С. 95.

²⁵ Там же. С. 164.

²⁶ См.: Там же. С. 164.

²⁷ Там же. С. 165.

²⁸ См.: Там же. С. 172, 175

²⁹ Там же. С. 213.

- ³⁰ См.: Там же. С. 212.
- ³¹ Gerasimenko G.A. Local Organisation in 1917 and the First of 1918. 1978.
- ³² Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). Саратов, Изд-во Саратовского университета. 1980. 228 с.
- ³³ Там же. С. 20.
- ³⁴ Там же. С. 43.
- ³⁵ Там же. С. 60.
- ³⁶ Там же. С. 77.
- ³⁷ Там же. С. 78.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 343 с.
- ⁴⁰ Там же. С. 341.
- ⁴¹ Там же. С. 324.
- ⁴² См.: Там же. С. 5.
- ⁴³ Там же. С. 4.
- ⁴⁴ Там же. С. 29.
- ⁴⁵ См.: Там же. С. 29, 55.
- ⁴⁶ Там же. С. 252.
- ⁴⁷ Там же. С. 333.
- ⁴⁸ The Zemstvo in Russia. An experiment in local Selfgovernment. Cambridge University press. 1982.
- ⁴⁹ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 4.
- ⁵⁰ Там же. С. 4.
- ⁵¹ Там же. С. 51.
- ⁵² Rosenberg W/ The Zemstvo in 1917 and under the Bolshevic Rule. - Zemstvo in Russia. Cambridge University Press. 1982, 402, 403, 405.
- ⁵³ Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. Общественные исполнительные комитеты. М., 1992.
- ⁵⁴ Там же. С. 4.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. С. 8.
- ⁵⁷ Там же. С. 10.
- ⁵⁸ Там же. С. 13.
- ⁵⁹ Там же. С. 16.
- ⁶⁰ Там же. С. 57.
- ⁶¹ Там же. С. 83.
- ⁶² Там же. С. 109.
- ⁶³ Там же. С. 196.
- ⁶⁴ Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 2005.
- ⁶⁵ Там же. С. 8.
- ⁶⁶ Там же. С. 17.
- ⁶⁷ Там же. С. 19.
- ⁶⁸ Там же. С. 24-25.
- ⁶⁹ Там же. С. 74.
- ⁷⁰ Там же. С. 80.
- ⁷¹ Там же. С. 156.
- ⁷² Там же. С. 160.

Н.Н. Кабытова***КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ 1917 ГОДА
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках проекта проведения научных исследований («Аграрная история России
XX веков: историография и источники»), проект № 13-01-00081

Историографии «аграрного вопроса», способов и методов его решения в российской революции 1917 года, сформировались направления, по которым рассматривались формы крестьянского движения «за землю и волю». Проблематика исторических исследований, посвященных деятельности крестьянских организаций в 1917 году, зависела от ряда аспектов: идейно-политической ситуации в обществе, состояния источниковой базы, методологических принципов и методов анализа социальных движений. На разных этапах историографического освоения революционного процесса в России начала XX века приоритеты исследователей определялись не только субъективными, но и объективными факторами. Субъективные обстоятельства – это идеологическое давление властно-директивных структур, профессиональный интерес (специализация) историков, морально-нравственные приоритеты общественной среды. Состояние источниковой базы, ее доступность для исследователей, методика и техника обработки громадного документального наследия – явления объективного характера, непосредственно влияющие на репрезентативность наблюдений и выводов по актуальным, остро дискуссионным вопросам исторической науки.

Магистральная линия развития революции, то есть ее причины, ход и итоги, обросла огромной литературой. Довольно хорошо изучена направленность действий «революционных потоков», важнейшей составляющей которых было крестьянское движение. В связи с этим рассматривались крестьянские организации в качестве координирующих структур аграрной революции в деревне. Выделяя основные этапы изучения заявленной темы, необходимо выявить приоритетные направления исследовательского интереса. В 1920-е годы историки обратили внимание на наличие специфических крестьянских организаций, отличных от рабочих и солдатских, аналогичных по названию. В 1930-1950-е годы явно прослеживается стремление исследователей унифицировать революционные события в городе и деревне, чтобы доказать наличие «союза рабочего класса и беднейшего крестьянства» как движущей силы социалистической революции, действующей под руководством большевиков. В 1960-1980-е годы происходит расширение проблематики исторических исследований: появились работы,

* © Кабытова Надежда Николаевна, кафедра российской истории Самарского государственного университета

посвященные низовым крестьянским исполнительным и земельным комитетам, съездам и советам. В конце XX – начале XXI веков стали рассматриваться взаимоотношения крестьянских организаций с земствами, властными структурами, политическими партиями, анализироваться социально-психологические мотивы поведения сельских жителей в революции.

Специфика исторических трудов 1920-1950-х годов была обусловлена необходимостью выполнения идеологического заказа правящей партии большевиков, стремившейся доказать закономерность и справедливость своей победы в революции. Партийно-советские функционеры, мобилизованные на фронт идеологической борьбы, часто фальсифицировали исторические факты, преувеличивая влияние большевиков и недооценивая организаторской деятельности эсеров среди крестьян.

Исследования профессиональных историков, анализировавших в первое десятилетие советской власти российскую революцию 1917 года, немногочисленны и тематически ограничены. Предметом их изучения была преимущественно аграрная революция¹. Это обусловлено несколькими причинами: распространенностью народнических традиций в отечественной историографии; определяющим влиянием крестьянской борьбы за землю на весь ход революционных преобразований в стране; своеобразным негласным разделением направлений исторических изысканий между идеологами новой власти и лояльными, но не ангажированными ею историками. К тому же в это время широкое распространение получила концепция наличия в России в 1917-1918 годах двух революций – пролетарской и крестьянской. В соответствии с нею и распределялись силы: рабочий класс и его авангард, большевистскую партию, прославляли агитаторы, пропагандисты и организаторы революционного насилия; крестьянский бунт, как ведущую линию социальной революции, пытались осмыслить специалисты-историки.

«Великий перелом» рубежа 1920-1930-х годов, положивший начало раскрестьяниванию страны, повлек директивное ограничение исследовательской проблематики. Об изучении всего спектра сложных взаимоотношений народа и власти периода российской революции в это время не могло быть речи, поскольку сформированная после Октября 1917 года репрессивная политическая система насаждала тоталитарную модель государственного устройства, отстаивая свое существование. При ранжировании идеологических задач советской власти исторической науке отводилось ведущее место в показе авангардной роли партии большевиков при построении нового «социалистического» общества. Политические противники большевиков в революции, а вместе с ними крестьянские организации, за влияние в которых они соперничали, почти не изучались советскими историками, а если упоминались, то как «контрреволюционные»². Зарубежные исследователи российской революции 1917 года в условиях «железного занавеса» были отлучены от пополнявшейся источниковой базы проблемы и вынуждены довольствоваться обветшавшими мифами, созданными участниками событий из числа эмигрантов первой волны.

Ужесточение идеологического диктата ВКП(б) с середины 1930-х до середины 1950-х годов привело к резкому сужению источниковой базы исторических исследований революционного процесса 1917 года и намеренному ограничению их проблематики. Вопросы о власти, самоуправлении, деятельности общественных организаций в 1917 году были преданы забвению. Борьба большевиков против идейных противников в революции, как главная тема, варьировалась при рассмотрении всех событий в центре и на местах³. Аграрная революция, как самостоятельное явление, в это время не изучалась.

К 40-летию Октябрьской революции были составлены и опубликованы сборники документов и воспоминаний, где превалировали всевозможные постановления, резолюции советов, комитетов, сходов и собраний⁴. В последующее время эта работа спорадически возобновлялась, но публиковались новые документы редко⁵. Факты о революционных событиях на местах подобраны составителями избирательно и представляют собой далеко не полную панораму происходившего. Тематическая и идеологическая заданность опубликованных материалов отнюдь не снижает их ценности. Первоисточники, на основе которых они отбирались, в большинстве своем сохранились и есть возможность ознакомиться с ними в оригинале.

Ренессанс советской исторической науки 1960-1980-х годов поколебал, но не разрушил основополагающих «ценностей» марксистско-ленинской методологии в изучении российской революции 1917 года. Расширение проблематики исследования, создание обобщающих историографических трудов⁶ способствовало накоплению и классификации событий, составлявших суть революционного процесса. Появились оригинальные работы, в которых рассматривались ранее не изучавшиеся вопросы, что позволило полнее восстановить событийную сторону гибели старого и рождения нового общества в России. В рамках поставленной проблемы следует, прежде всего, выделить работы, в которых изучалась деятельность советов рабочих и солдатских депутатов в 1917 году⁷. После выяснения роли и значения большевистских организаций эта тема стала ведущей в исследованиях по истории российского революционизма, что привело к гипертрофированным оценкам значения советов в строительстве новой российской государственности. Значительно меньше внимания уделялось советам крестьянских депутатов⁸, поскольку они осудили насильственный захват власти большевиками. Однако, анализируя деятельность крестьянских съездов, волостных и сельских исполнительных комитетов, исследователи рассматривали организующую роль советов крестьянских депутатов по оформлению административного управления в деревне после падения самодержавия⁹.

Характеризуя рабочее, солдатское, крестьянское движение в русской революции 1917 года, исследователи неизбежно давали оценки деятельности низовых органов самоуправления, организовывавших социальные действия. Внимание историков к ним распределялось пропорционально радикализму решений тех или иных комитетов. Наибольшее количество публикаций посвящено созданным в деревне после февраля 1917 года кре-

стьянским организациям: волостным и сельским исполнительным, земельным, продовольственным комитетам, поощрявшим конфискационные притязания крестьян-общинников по земельному вопросу¹⁰. В то же время структуры земского самоуправления, демократизированные в 1917 году сначала путем представительства в них «демократических гласных», а затем избранные на основе всеобщих, равных, прямых выборов, в редких случаях рассматривались историками аграрниками¹¹. Большинство исследователей стремились доказать «контрреволюционный характер» земств в 1917 году, их неполноценность по сравнению с советами, недееспособность в решении социально-экономических требований крестьян в революции. Лишь во второй половине 1980-х годов появились специальные работы, посвященные анализу деятельности земских учреждений¹².

Систематизация созданных в предыдущие годы изучения комплексной проблемы истории российской революции 1917 года исследований позволила поставить целый ряд новых тем в ее изучении. В 1990-е годы появились оригинальные труды, не только углубляющие и расширяющие общее знание о сути революционных преобразований 1917 года в России, но вносящие значительные коррективы в устоявшиеся оценки исторического значения данного глобального события XX века. После ряда международных и всероссийских конференций историки русской революции 1917 года обозначили перспективные направления в ее изучении, продолжая дискутировать о характере инверсионных процессов в России¹³. Расширение международных связей отечественных историков привело к своеобразной конвергенции взглядов и оценок о сущности российского революционного процесса 1917 года. Отечественные авторы ознакомились с методами исторического анализа зарубежных историков, которые, в свою очередь, получили возможность расширить источниковую базу собственных исследований. Международные дискуссии о характере российского революционного процесса начала XX столетия способствовали расширению проблематики отечественных исследователей. Наряду с традиционными появились новые сюжеты, характеризующие специфику крестьянского движения в 1917 году¹⁴.

В условиях кризиса советской государственности и поисков нового пути общественного развития исследователи вновь обратили внимание на особенности российского революционного процесса начала XX столетия. Стал активно изучаться процесс формирования новой властной парадигмы в России 1917 года. Взаимоотношения крестьянских комитетов с властными и самоуправленческими структурами, политическими партиями и советами рассматривались в общем контексте революционных преобразований. Известный исследователь крестьянского самоуправления А.В. Седов обобщил свои наблюдения, анализируя организационные формы, состав, прерогативы и направления деятельности низовых крестьянских комитетов, возникших в сельской местности в марте – апреле 1917 года¹⁵.

Монография А.В. Седова раскрывает способы демократизации сельского самоуправления, выявляет причины коллизий между крестьянами и адми-

нистративными структурами Временного правительства. Анализируя крестьянские представления об основах и сущности «народоправства», автор считает, что в деревне была создана уникальная система действенной самоорганизации общества. В работе представлен порядок избрания волостных и сельских комитетов, рассмотрены источники финансирования их деятельности. А.В. Седов впервые представил процесс организации органов охраны общественного порядка и создания сельской милиции, выявил ее численный и социальный состав. Он показал, как крестьянские комитеты организовали судебную защиту, реорганизовали систему мировых судей, создали специальные комитетские суды. В целом А.В. Седов, раскрывая новые страницы истории сельского самоуправления, представил уникальный, хотя и полностью не реализованный, опыт переустройства общественных отношений.

Комплексная проблема взаимоотношения народа и власти, место и роль в этом процессе различных общественных организаций – советов, комитетов, союзов – активно исследуется на современном этапе российского революционного процесса 1917 года. Предметом специального изучения стала аграрная политика Временного правительства, рассматривавшаяся в контексте кризисных ритмов его деятельности¹⁶. Формы и методы борьбы крестьян за землю, позиции земельных собственников, организующая роль крестьянских съездов, позиции политических партий по аграрному вопросу дискутируются в современной исторической литературе¹⁷. Детально разработан вопрос о причинах популярности эсеров на выборах в Учредительное собрание¹⁸, что позволило по-новому оценить крестьянские съезды и советы.

Рассматривая региональные модификации российской революции 1917 года, исследователи отметили значительное влияние крестьянских организаций – от низовых комитетов до советов и съездов – на государственное строительство¹⁹. Способы самоорганизации общественных сил, формы сословных, социальных, профессиональных, корпоративных организаций, функционировавших в российской провинции 1917 года, непосредственно влияли на государственное строительство. Крестьянские организации, возникшие в ходе революции, отражали традиционные идеи «народоправства». Они противоречили западническим общедемократическим принципам регулирования социальных отношений. Исследование этих вопросов позволило выявить глубинные причины системного кризиса в России, понять механизм влияния народа на власть через инициативные общественные институты²⁰. Это, в свою очередь, стимулировало появление новых оригинальных работ, рассматривающих социопсихологические аспекты поведения крестьян в условиях социальных катаклизмов²¹.

Подводя предварительные итоги изучения крестьянских организаций в 1917 году, отметим, что их значение в российском революционном процессе определяется как фактор самоорганизации сельского общества. Рассмотрен порядок их организации, статус; охарактеризована деятельность низовых крестьянских комитетов, крестьянских съездов, показаны методы аги-

тационно-пропагандистской работы политических партий в крестьянской среде. Историки проанализировали социально-экономические требования крестьян в революции, оформленные в виде решений волостных исполнительных комитетов, наказов сельских общин, постановлений крестьянских съездов. В новейшей исторической литературе выявлены место и роль крестьянских объединений в государственном строительстве на всех этапах развития революции, их взаимосвязь с советами и комитетами, земствами и думами, политическими партиями и властными структурами. Дальнейшее изучение влияния крестьянского движения в российской революции 1917 года позволит проследить эволюцию взглядов сельских жителей по вопросам «текущего момента» – о земле и способах ее перераспределения, о войне и мире, о власти и государственном устройстве. По-прежнему актуально выявление социопсихологических аспектов массового крестьянского движения, определившего вектор аграрной политики политических партий в борьбе за власть.

Примечания

¹ Аграрная революция. Т. 2.: Крестьянское движение в 1917 году. М., 1928; Дубровский С.М. Крестьянство в 1917 году. М.:Л., 1927; Чаадаева О.Н. Помещики и их организации в 1917 году. М.:Л., 1928; Шестаков А.В. Октябрь в деревне. М., 1925; Он же. Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов // Пролетарская революция. 1927. № 5 и др.; Фирсов Н.Н. Крестьянская революция 1917 года (до Октября) и Временное правительство. Казань, 1922; Чернышов Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. Казань, 1926.

² Задача идеологической борьбы с противниками большевиков в 1917 году как справа, так и слева были поставлены перед сотрудниками Истпарта и целенаправленно решались на местах: Алексеев В.Н. Два года борьбы. Ульяновск, 1927; Васильев-Южин М.И. Пролетарская революция в Саратове // Советское строительство. М., 1924. № 10-11; Гайсинский М. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 году. Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов. М., 1933; Кураев В.В. Октябрь в Пензе. Пенза, 1927; Троцкий В.В. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. М.: Самара, 1932; Флеер М.Г. Временное правительство в борьбе с аграрной революцией // Красная летопись. 1926. №2(7). С. 5-15; Ягодкин В. Октябрь на родине Ленина. М.: Самара, 1932.

³ Ундревич В.С., Карева М.Ф. Пролетарская революция и государственный аппарат (Очерк истории борьбы за госаппарат в 1917-1918 гг.). М., 1935; Арсентьев А. Крестьянские организации перед Октябрем 1917 г. // Борьба классов. 1936. № 11; Шефер А. Органы «самоуправления» царской России. Куйбышев, 1939; Ремезова Т.А. Советы крестьянских депутатов в 1917 году // Исторические записки. 1950. №2.

⁴ Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. Куйбышев, 1957; Борьба за власть Советов в Симбирской губернии. Февраль 1917 г. - июнь 1918 г. Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1957; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Чувашии. Сборник документов. Чебоксары, 1957; Октябрь в Самаре: Воспоминания. Куйбышев, 1957; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев, 1957; Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Сборник документов и материалов. Пенза, 1957; Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. Сборник документов и материалов. Казань, 1958; Революционное движение в России

после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1958; Революционное движение в России в апреле 1917 г. Документы и материалы. М., 1958; Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Документы и материалы. М., 1959; Революционное движение в России в августе 1917 г. Документы и материалы. М., 1959; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Документы и материалы. М., 1961; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Документы и материалы. М., 1962; Татария в борьбе за победу пролетарской революции. Сборник документов и материалов. Казань, 1957; 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов. Саратов, 1957; 1917 год в Царицыне. Сборник документов и материалов. Сталинград, 1957; Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. Саранск, 1957.

⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий, М., 1962; Документы по истории Октября в Татарии. Казань, 1973; За власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. Саратов, 1967; За власть Советов. Сборник воспоминаний старых большевиков. Саратов, 1968; Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902-1917. Куйбышев, 1969; Он же. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972; Упрочение Советской власти в Татарии. Сборник документов и материалов. Казань, 1964; Установление Советской власти в Марийском крае. Сборник документов. Йошкар-Ола, 1970; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. 1917-1918. Саратов, 1968.

⁶ Анализ изучения революционных событий 1917 года в Поволжье был представлен в очерках: Ионенко И.М. Об изучении Октябрьской революции в Поволжье и Приуралье // Ученые записки Казанского гос. университета Т. 122. Кн. 2. Казань, 1962; Литвин А.И. Великий Октябрь в Татарии (Обзор литературы) // Татария в период Великого Октября. Казань, 1970; Кабытова Н.Н., Шестаков В.А. Революционная борьба крестьянства Поволжья в период подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975. С. 74-79; Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье: Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1984.

⁷ Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март-октябрь 1917 г. М., 1967; Артемьев С.А. Советы рабочих и крестьянских депутатов в 1917-1918 годах. Чебоксары, 1965; Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 год). Саратов, 1966; Герасименко Г.А., Рашитов Ф.А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов, 1972; Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов, 1977; Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья). Саратов, 1980; Захаров Н.С., Емельянова И.А. Советы Среднего Поволжья в период подготовки Октябрьской революции (По материалам Казанской губернии). Казань, 1967; Захаров Н.С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. Казань, 1977; Морозов Б.М. Партия и Советы в Октябрьской революции. М., 1977.

⁸ Ерицын Х.А. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960; Моисеева О.Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 году. М., 1967.

⁹ Герасименко Г.А. Возникновение советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Нижнем Поволжье. Саратов, 1966; Гнутов М.А., Чистов Б.М., Афанасьев Б.Н. Установление Советской власти в Симбирской губернии. Ульяновск, 1957; Грачев Е. Страница истории. Борьба за власть Советов в г. Бугульме и Бугульминском уезде в 1917-1920 гг. Казань, 1965; Дорожкин М.В. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1958; Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября (По материалам Казанской губернии). Казань, 1957; Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958; Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России (Октябрь 1917

- март 1918 гг.). Саратов, 1967; Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; Семейников В.П. Установление Советской власти в средневожской деревне. Саратов, 1976; Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 году. М., 1979. Особое внимание исследователей привлекли крестьянские съезды, выступившие в Поволжье в 1917 году как массовые правотворческие организации. См.: Кабытова Н.Н. Крестьянские съезды Поволжья в советской исторической литературе // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье. С. 58-68.

¹⁰ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов (На материалах Нижнего Поволжья). Саратов, 1974; Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. 1984. Т. 111. С. 100-150; Кабытова Н.Н. Классовая борьба в поволжской деревне в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев, 1984; Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975; Курсков Н.А. Некоторые проблемы изучения земельных комитетов 1917 г. в Среднем Поволжье // Историография Великой Октябрьской социалистической революции... в Поволжье. С. 69-74; Малявский А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 году, март-октябрь. М., 1981; Медведев Е.М. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970; Седов А.В. Движение крестьян России за массовую организацию новых земельных комитетов в 1917 году. Горький, 1975; Он же. Роль крестьянских комитетов в аграрном движении 1917 года. Горький, 1977; Он же. Борьба крестьянских комитетов за хлеб для деревенской бедноты в 1917 году. Горький, 1981; Он же. Крестьянские комитеты в 1917 году: идея, организация, статус. Саратов, 1990; Он же. Движение революционного крестьянства России за демократическое самоуправление в 1917 году Нижний Новгород, 1991; Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. Гл. V-VII.

¹¹ Абрамов П.Н. Волостные земства // Исторические записки. М., 1961. Т. 69. С. 27-45; Баранов Е.П. Подготовка реформы местных органов управления и самоуправления в 1917 году // Вестник Московского университета. Право. 1975. № 3. С. 63-68; Сенцов А.А. Борьба народных масс за демократизацию местного управления в России накануне Октября // Советское государство и право. М., 1984. № 6. С. 108-114.

¹² Итоги и задачи в изучении этой темы представлены в монографии: Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

¹³ Россия, 1917 год: выбор исторического пути. («Круглый стол» историков Октября, 22-23 октября 1988 г.). М., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Революция и реформа: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. 1991. № 2; Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994; Революция и человек: Быт и нравы поведения, мораль. М., 1997; Великий Октябрь и современная Россия. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Нижний Новгород, 1997; Революция в России. Спорное прошлое и неопределенные перспективы («Круглый стол» к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции) // Альтернативы. 1997. №3.

¹⁴ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996; Он же. Крестьянская община и кооперация. М., 1997; Кабытова Н.Н. Земство или Советы: российская властная альтернатива // Самарский земский сборник. 1996. Вып. 3.; Лавров В.М. Крестьянский парламент России: всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917-1918 гг. М., 1996; Матвеев М.Н. Драма Волжского земства // Новый мир. 1997; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997.

¹⁵ Седов А.В. Февральская революция в деревне. Нижний Новгород, 1997.

¹⁶ Хитрина Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 г. Нижний Новгород, 2001.

¹⁷ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.

¹⁸ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

¹⁹ Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Самарское земство и земельные комитеты в 1917 году // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2002; Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917-1920-е гг.). СПб., 2011.

²⁰ Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002.

²¹ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.

Г.Е. Козловская*

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1960-Е – 1980-Е ГГ.: ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Самарской области в рамках проекта проведения научных исследований «Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.», проект № 13-11-63002 а(р)

полне закономерно, что проблематика региональной элитологии вышла на первый план научного поиска именно в конце 1980-х – начале 1990-х годов, в период сложной внутрироссийской общественной трансформации. Вопрос, по сути, был поставлен на повестку дня самой жизнью, происходившими в России кардинальными переменами.

Однако со временем общим местом в рассуждениях российских элитологов стало замечание о том, что «верхушка» новой социальной элиты была плоть от плоти прежней, советско-партийной элиты, основу властных полномочий которой составили овладение и юридическое закрепление прав на государственную собственность, превращение ее в частную¹. Как указывает один из основателей российской элитологии Г.К.Ашин, «Во многих регионах страны... дело обошлось в основной заменой кадров в самых верхних эшелонах власти, а то и просто ограничилось снятием наиболее одиозных фигур. В средних и низших эшелонах власти сохранилась прежняя партийно-советская номенклатура»².

По мнению специалистов, в 1990-е годы, несмотря на существенное изменение территориально-государственного устройства России, механизмов формирования политических элит (на смену принципу назначения пришли выборы) и характера взаимодействия федеральной и региональной элит, федеральный центр сохранил приоритет в отношениях с региональными элитами. При этом при внешней радикальности свершивших в эпоху перестройки перемен, де-факто в настоящее время имеет место «реконструкция формальных элементов советской политической системы, в том числе, свойственной советской системе высокой степени концентрации политических ресурсов»³.

Эти заключения вполне применимы и к Куйбышевской/Самарской области. По данным Э.Б.Куприянычевой, в конце 1990-х годов в самарском регионе 84% представителей политической элиты являлись бывшими хозяйственниками, советскими и партийными работниками. При этом многие из них скрывали свою принадлежность к прежней номенклатуре⁴.

* © Козловская Галина Ефимовна, доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала Московского государственного педагогического университета

В настоящее время специалисты также отмечают явную тенденцию к «закупорке» каналов рекрутирования региональной элиты⁵, то, что движение номенклатурных кадров в основном происходит внутри элиты, а не пополняется свежими кадрами извне⁶.

Очевидно, что в 1990-е годы региональные элитные группы получили несоизмеримо большие возможности для реализации собственных устремлений по сравнению с предшествующим историческим периодом⁷. Современные исследователи ввели понятие «сложного феномена регионального вызова»⁸ для обозначения неоднозначных процессов противостояния федерального центра и регионов, имевшего место в 1990-е годы.

Можно заключить, что проблематика изучения региональных элитных групп, в особенности политической, имеет, прежде всего, исключительно важное практическое значение, дает возможность представителям властных структур принимать грамотные управленческие решения.

С этим аспектом проблемы также связан и ее теоретический аспект, представляющий интерес для познания цивилизационных параметров развития России, для моделирования исторических процессов в прошлом, и, быть может, в будущем. Изучение феномена региональных элит значимо при условии понимания элиты как субъекта модернизации, которого отличает наличие стратегического (тактического) проекта, «реализующего собственные (а не внешние) интересы и цели», а также наличие политической воли для его реализации⁹. Один из ведущих специалистов в области методологии исторической науки Э.С.Кульпин-Губайдуллин также предлагает рассматривать в качестве ведущих доминант, определяющих логику и результаты модернизации российского социума, не только факторы знания, свободного труда, целесообразности, но и фактор личности и ее воли.

Однако приходится констатировать, что в сознании современной российской элиты не заложена такая ценность, как «развитие», так как исторически модернизация была всегда связана с чистками «самого политического класса, призванными обеспечить максимальную эффективность управленческого аппарата в качестве агента модернизации»¹⁰.

Указанные обстоятельства также убеждают специалистов в необходимости проведения исследований в данной области.

В настоящий момент существует весьма обширная литература, рассматривающая различные аспекты российской элитологии как науки, изучающей элитные группы и категории, методики и понятийный аппарат, методологию проблемы.

Общие тенденции существования советской элиты рассматривались рядом исследователей. К примеру, К.Г.Ашин предлагает рассматривать эволюцию советской элиты как четырехступенчатую поколенческую трансформацию: «ленинская гвардия», сталинисты, элита бюрократии и партийных функционеров эпохи Хрущева и Брежнева, «перестроечная» элита¹¹.

О.Крыштановская квалифицированно рассуждает о каналах рекрутирования элит, их партийном и номенклатурном прошлом. Она же предлагает свою характеристику специфических черт советской элиты, а именно:

номенклатурность, монолитность, иерархичность, отсутствие самовоспроизводства, географическая мобильность, внутренняя ротация, развитая система привилегий¹².

Особый интерес в контексте данного исследования могут представлять идеи и материалы пермского автора В.П.Мохова, который одним из первых проанализировал этапы становления советской элиты, увязав их с общими тенденциями развития СССР-России. Особенностью его трудов является прекрасное владение источником, умение его препарировать, высокий уровень аналитичности и разработка собственной методики исследования тенденций существования региональной элиты. Нарботки В.П.Мохова представляют собой одну из отправных точек для развития региональных исследований, а также для компаративного анализа¹³.

Однако подавляющее большинство общероссийских работ написаны в политологическом и социологическом ключе, с минимальным историческим экскурсом и, как правило, без применения исторических методов исследования. Исключение составляют вышеуказанные работы и ряд региональных исследований. Весьма востребованными являются вопросы изучения процессов консолидации, трансформации различных групп региональных элит (бизнес-элиты, политический, образовательной), их взаимодействия между собой и с федеральным центром.

Региональные исследования, касающиеся Куйбышевской-Самарской области, не отличаются разнообразием. Одной из первых и, на наш взгляд, весьма удачных попыток, изучения местных элитных групп является статья Э.Б. Куприянычевой «Особенности политической элиты Самарской области»¹⁴. В ней впервые была предложена систематизация, типология самарской элиты, корректно выделены проблемы. Однако не бесспорными выглядят типичные черты региональной элиты и, как и во многих других случаях, в работе речь идет практически только о политической элите.

Обстоятельный анализ региональных социологических работ по вопросам элитологии представлен в публикации Д.В.Покатова. Ученый выделяет группу публикаций, посвященных региональным сюжетам¹⁵, но практически все они касаются современных реалий и слабо увязаны с историей. Особо отмечается работа А.К.Магомедова, которая направлена на сравнительно-сопоставительный анализ политических элит Поволжья, но в списке рассматриваемых областей Самарская-Куйбышевская отсутствует¹⁶. Политологические, социологические материалы по современным процессам, протекающим в Приволжском федеральном округе, имеются, но они написаны в сугубо политологическом или социологическом ключе, и затрагивают, как правило, политическую элиту.

О.Крыштановская и другие специалисты отмечали наличие в высших эшелонах власти в СССР значительного числа выходцев из регионов, ограниченное количество москвичей на высших должностях¹⁷. Как показывают уже имеющиеся региональные наработки, Куйбышевская область была одним из регионов, регулярно поставлявших в столицу кадры, занимавшие ключевые посты в различных (и не только властных) структурах¹⁸.

Важные рассуждения общего характера, освещающие события в регионе в 1960-1980-е годы, содержатся в серьезных краеведческих исследованиях¹⁹. Отдельные аспекты проблемы, в частности, касающиеся образовательной элиты региона, можно обнаружить в работах П.С.Кабытова, Г.Е.Козловской, И.А.Носкова²⁰.

Подводя итог историографическому обзору, отметим, что в настоящее время при всем разнообразии современных политологических, социологических исследований, системного изучения региональных элит, каналов их эволюции не проводится. С нашей точки зрения, не в последнюю очередь это связано с отсутствием государственных инициатив в этой области: как правило, ученые в регионах, занимающиеся данной проблематикой, сами являются инициаторами исследований.

Для корректной постановки целей и задач нашего исследования также весьма важен вопрос *терминологии*, который на сегодняшний день является одним из наиболее спорных. Существует масса определений категорий «элита»²¹ и «региональная элита».

Так, О.Крыштановская обозначает региональную элиту как «сквозную», функциональную группу элиты, отделяя ее от бизнес-элиты, партийной элиты, высшего руководства и других групп²². Специалист не выделяет как отдельный объект изучения научно-образовательную элиту.

А.Е.Чирикова, руководствуясь функциональным подходом, предлагает расширенное толкование термина «региональная элита», представляя ее как две ведущие группы – властную или административно-политическую элиту и экономическую или бизнес-элиту. Властная элита – группа, отвечающая за подготовку, принятие и реализацию важнейших стратегических решений в политической сфере, ограниченной региональным пространством, обладающая необходимым ресурсным потенциалом. Она согласует свои решения с центром и местными органами власти. Бизнес-элита – «слой, занимающий ключевые позиции во владении и распоряжении собственностью и контролирующей определенную часть промышленного, финансового и коммерческого капитала преимущественно внутри своего региона»²³.

В ее же трактовке функции региональной элиты заключаются в том, что она: 1) проводник общефедеральных идей на местном уровне, реализует их на конкретном уровне; 2) представляет на уровне центра интересы регионов, так как имеют более тесную связь с «внеэлитными группами»; 3) источник рекрутирования²⁴.

Казаков М.А., Лысцев М.С. предлагают считать региональной политической элитой Российской Федерации – совокупность разносплоченных доминирующих групп территорий, непосредственно осуществляющих функции управления и руководства властными отношениями в социально-политических границах регионов²⁵. Куприянычева Э.Б. определяет политическую элиту как «группу лиц, участвующих в выработке, принятии политических решений или влияющих на процесс их реализации на уровне региона»²⁶.

Наиболее полное определение региональной политической элиты (РПЭ) дает В.П. Мохов, утверждающий, что РПЭ – это «лидеры властных структур региона, обладающие: 1) основным объемом прав и полномочий в выработке и принятии решений (в том числе по кадровым назначениям и перемещениям), контролем за их исполнением, оценками результатов деятельности; 2) собственным аппаратом политических работников; 3) определенным комплексом ценностей, установок, мировоззренческих ориентиров; 4) особым образом жизни и поведения».

В дальнейшем мы будем придерживаться определения и функций региональной политической элит, данных Моховым и Чириковой. Под понятием «научно-образовательной элиты региона» мы подразумеваем группу лиц, определявших конкретные формы, методы и результаты работы научных институтов, высших учебных заведений различных профилей, иных образовательных и культурных учреждений, имевших тесную связь с партийной и советской номенклатурой, директорским корпусом промышленных предприятий города и области. Научно-образовательная элита, с одной стороны, формировалась под влиянием политической элиты, и, в свою очередь, являясь источником рекрутирования последней.

Цель данного проекта – выявление динамики эволюции различных групп (политической, научно-образовательной) региональной элиты и анализ влияния ее деятельности на развитие Куйбышевской области в 1960-е – 1980-е годы. Достижение цели возможно при решении следующих задач:

1/изучение социальных, образовательных характеристик представителей региональной элиты;

2/ характеристика тенденций взаимодействия между различными группами элит;

3/ анализ динамики взаимоотношений с федеральным центром;

4/ изучение влияния долгосрочных и краткосрочных политических, экономических, социальных факторов на характер деятельности региональной элиты.

Остановимся подробнее на ключевых *проблемах исследования*. С нашей точки зрения, в анализе региональной политической элиты следует исходить из того, что в указанный исторический период стал очевиден процесс усиления позиций региональной элиты в противовес центру. Также существенно изменился характер деятельности: от креативности управленцев 1920-х–1930-х годов в сторону воспроизводства норм и практик, когда региональные лидеры все больше играли роль ретранслятора решений центра.

Важно проанализировать, какие ценности и критерии были ведущими для достижения определенной степени иерархии. Если в настоящее время ведущим критерием выдвижения человека является не столько личные качества и поддержка масс, сколько поддержка бизнес-структур, какова была иерархия критериев в советский период?

По мнению исследователей (М.Восленский, М.Афанасьев) ведущими критериями были «исполнительность» и «отношения личной преданности и покровительство».

Крупный российский элитолог Г.К.Ашин полагал, что именно с «загнивания, деградации элиты» начался общественный «застой» брежневского периода российской истории. Ментальные изменения дряхлеющей элиты, несоответствие между мышлением представителей элиты и задачами развития страны стали основой кризиса конца 1980-х –начала 1990-х гг.²⁷

Отсюда вытекает важная научно-практическая проблема: можно ли предположить, что в предшествующий период возможна была обратная ситуация – эффективная деятельность, особая конфигурация элит (в том числе местных) был залогом положительных сдвигов, результативности, успешных результатов в различных сферах общественной жизни, в экономике, культуре?

Междисциплинарный подход (см. ниже) не позволяет нам сводить к одному знаменателю всю сумму факторов, объективно влияющих на исторический процесс. Ментальность элиты, политическая воля элиты, в свою очередь, развивались в рамках общества, испытывали на себе ее воздействие, были порождением системы социально-экономических, общественных отношений. Сам Г.К.Ашин ниже отмечает, что смена элит отнюдь не является детерминантой исторического процесса, он лишь сопровождает переход от одной социально-политической системы к другой²⁸.

Итак, в своих рассуждениях мы будем исходить из того, что центральная и региональная политическая элита была продуктом эпохи, в свою очередь, процессы, происходившие внутри нее, ускорили процесс распад советской политической и государственной системы.

Переходя к анализу ключевых тем изучения культурно-образовательной элиты, отметим, что общеизвестной является тенденция на технократизацию мышления руководства страны в данный период. Государство делало ставку на управленцев-технократов, техническую интеллигенцию и результатом этого стала односторонность развития общества в целом (в ущерб гуманитарному началу), которая ускорила процесс деформации элиты на всех ее уровнях. В.А.Мясоедова справедливо отмечает, что сокращение дисциплин гуманитарного цикла, их зашоренность и идеологизация при одновременном увеличении доли технических дисциплин привели к технократизации мышления²⁹.

Очень важным аспектом проблемы является взгляд на систему образования в Куйбышевском регионе как на социальный лифт, источник пополнения рядов региональной элиты. Действительно, специалисты отмечают, что в СССР «в системе высшей школы существовали элитные учебные заведения, которые можно позиционировать как закрытые социальные лифты для рекрутирования советской элиты. К их числу относятся как партийные, профсоюзные школы, так и ряд гуманитарных и технических вузов»³⁰. Подобные исследования в регионе до настоящего времени не проводились.

Решение вышеуказанных проблем, в свою очередь, поможет сформулировать ответы на более фундаментальные вопросы:

· в чем специфика и типичность кадрового потенциала Куйбышевского-Самарского региона по сравнению другими?

· какие из результатов деятельности элиты могут быть оценены положительно/ отрицательно?

· в более широком смысле: какие нормы, правила, стереотипы взаимоотношений государства-общества-элиты советского (досоветского) периодов влияют на оценку прошлого и современного положения элит разного уровня?

Немаловажно и то, какой *методологический подход* может быть задействован в исследовании. В настоящее время споры ведутся вокруг корректности двух ведущих концепций – структурно-функционального и ценностного (интеллектуально-психологического) подхода.

Структурно-функциональный подход в качестве главного критерия выдвигает социальный статус человека, его роль в системе властных структур, возможность влиять, в частности, на процесс принятия и реализации политических решений³¹. Однако в такой или подобной формулировке не учитывается результативность работы, которая должна быть одним из безусловных критериев любой деятельности. К тому же односторонность, подразумевающая недооценку морально-этической стороны самой элиты и ее деятельности, сыграла не последнюю роль в ухудшении условий жизни и развития российского общества и государства в начале 1990-х годов.

Сторонники ценностного подхода говорят о том, что главное – наличие духовных качеств, аристократизма, специфических личностных характеристик, ведущую роль играет фактор личностного превосходства. Лидера отличает особый набор социопсихологических качеств. Эта позиция также является весьма уязвимой, так как фактически не учитывает роль социальных факторов и, как и в предыдущем случае, результативность деятельности лидера.

В своих рассуждениях мы будем исходить из предложенного В.В.Степанковым третьего концепта, объединяющего оба подхода, «... Однако приоритетным в выделении «политической элиты» правящего класса считаем не ее морально-этические ценности, а **эффективность** (выделено нами. – В.С.) решения проблем жизни общества и развития государства.

Именно в этом и состоит «ценность ценностного подхода», что дает нам основание высказать предположение о возможности существования третьего подхода к толкованию сущности «политической элиты», условно нами названного **ценностно-меритократичным** (выделено нами. – В.С.). Его сущность заключается в том, что он позволяет считать «политической элитой» не просто привилегированную группу лиц, задействованную во властных структурах или отличающуюся «духовным аристократизмом», а ту «функционально объединенную» правящую верхушку общества, которая эффективно (качественно) выполняет свои властно-политические функции, а значит имеет заслуги и перед обществом и перед государством...»³².

Переходя к анализу *методики исследования* куйбышевской элиты, отметим, что особую роль играет комплексный, междисциплинарный, подход. Даже в самых первых работах элитологов периода 1990-х годов отмечалась важность подобного взгляда на историю региональной элиты «с уче-

том исторических условий ее формирования и особенностей системы, составной частью которой она является»³³.

Таким образом, рассматривать необходимо элиту не как феномен, замкнутую систему, обладающую набором неизменных характеристик, а как часть общеисторического процесса, социума, представители которого плоть от плоти российской цивилизации, носители ее ценностных ориентиров. Элита своими усилиями могла стимулировать или, напротив, затруднять модернизационные процессы, но при этом она находилась в рамках, очерченных цивилизационными характеристиками России (ментальностью, природно-географическими факторами, специфическими нормами общественных, экономических отношений и пр.).

Методы анализа проблемы трансформации региональной элиты не являются четко очерченными, однозначными и устоявшимися. В этом вопросе историки, также как и политологи, социологи, сталкиваются с объективными трудностями, среди них: 1) размытость границ между различными элитными группами; 2) особое влияние неформальных связей и отношений, которые приводят к несоответствию формального и неформального статуса изучаемого представителя элиты.

Поэтому очевидно, что для объективного анализа потребуется комплексный подход, сочетание различных количественных и качественных методов, соединение методов исторической реконструкции, работок социологии и политологии. Прежде всего, безусловно, необходимо провести статистический подсчет, сравнение биографий представителей различных элитарных групп по следующим категориям:

- отраслям деятельности (партийные, советские работники, хозяйственные руководители, руководители учебных заведений и НИИ, руководители общественных организаций, работники культуры, работники силовых структур и пр.);

- уровням власти (областной, городской, районный);
- территориям (областной центр, территории области);
- уровню образования;
- социальному происхождению;
- принадлежности к партии.

Необходимо провести количественный подсчет и выявить динамику численности изучаемых категорий элиты.

Среди наиболее эффективных качественных методов отметим т.н. мягкое интервью, о достоинствах которого авторитетно рассуждает А.Е.Чирикова³⁴.

Опубликованными *источниками*, которые могут пролить свет на поставленные вопросы, являются разнообразные по характеру краеведческие публикации. Прежде всего необходимо упомянуть справочные издания, содержащие биографические данные о жизни политических деятелей, специалистов мира науки, культуры. К этому типу работ относится, к примеру, книга Ю.А.Чухонкина о руководителях города Самары с 1918 по 2010 гг.³⁵, написанный на богатом архивном материале справочник о партийных лидерах, первых секретарях, области³⁶. Этапы карьерного роста современ-

ных политических деятелей губернии, среди которых много выходцев из советской системы, можно проследить по книге, посвященной истории Самарской Губернской Думы³⁷.

Отдельного упоминания заслуживают издания того периода, затрагивавшие историю партийных и комсомольских организаций области³⁸. Несмотря на их явную идеологическую зашоренность, они могут служить вспомогательным источником для реконструкции сюжетов политической, общественной жизни региона, так как содержат статистические и биографические данные.

Большой интерес также могут представлять воспоминания тех или иных персон³⁹, а также книги – описания карьерных достижений различных заслуженных куйбышевцев⁴⁰. Отдельные данные, касающиеся наиболее ярких партийных деятелей, можно обнаружить в местной прессе (газеты «Волжская коммуна», «Самарская газета» и пр.). При всей значимости этих и им подобных публикаций необходимо четко понимать, что справочники, мемуары не могут быть полноценным и единственным источником информации.

Наименее проработанным и требующим исследовательского внимания выглядит блок архивных источников, хранящихся в региональных и центральных архивах. В числе наиболее перспективных и востребованных в контексте данного исследования следует назвать документы, хранящиеся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории (СОГАСПИ, г.Самара). Это, прежде всего, документы партийного учета (учетная карточка, личное дело и пр.) представителей различных категорий управленцев, общественно значимых фигур области, подавляющее большинство которых не могли не состоять в рядах партии.

Интересны для изучения и делопроизводственные документы, протоколы, первичных партийных организаций, статистика возрастного, социального, образовательного состава членов КПСС и ВЛКСМ. Особую важность могут также представлять общие и региональные данные о кадровом составе работников области, содержащиеся в фонде ЦК КПСС Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, г.Москва).

В заключение следует отметить, что проблема существования региональной куйбышевской элиты последних десятилетий советской власти является малоизученной. Однако это продиктовано не столько незначительностью проблемы, ее практическая и научная актуальность действительно велика, сколько слабой проработкой методики и источниковой базы. Имеющиеся общие и краеведческие работы, опубликованные источники дают примерное представление о наиболее значимых фигурах, но практически не содержат количественного и качественного анализа различных элитных групп.

Вместе с тем, востребованность проблематики, имеющиеся методологические наработки и наличие пласта не введенных в научный оборот архивных материалов позволяют надеяться на то, что в ближайшей перспективе могут быть выявлены и объективно оценены тенденции развития и деятельности региональной элиты Куйбышевской области в 1960-е – 1980-е гг.

Примечания

¹ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. М.: РОССПЭН, 2006; Ее же. Региональные элиты России: теоретические модели и практики. М.: Имидж-контакт, 2004; Алехнович С.О. Регионы России: современный ракурс и перспективы. М.: РАЕН, 2007; Кочетков В.В. Российская элита и модернизация политической системы: Монография. М.: Инфра-М, 2013. 79 с.; Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // *Общественные науки и современность*. 1997. №4. С.82–91; Лапина Н.Ю. Региональные элиты России: кто правит на местах // *Россия и современный мир*. 1998. Вып. 1(18); Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегия региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН, 2000; Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России. М., 2000 и др.

² Ашин Г.К. Основы политической элитологии. М.: «Либроком», 2013. С.455.

³ Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство/ Отв.ред. Е.Ю.Сергеев. М.: Наука, 2007. С.30.

⁴ Куприянычева Э.Б. Особенности политической элиты Самарской области // *Полис*. 1999. №3. С.117.

⁵ Там же. С.118.

⁶ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. №9. С.51–65.

⁷ Чирикова А.Е. Региональные элиты России: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010. С.44-46.

⁸ Афанасьев М. Региональный вызов: Правящие региональные группировки в российском политическом процессе // *Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе*. М.: МОНФ, 1999. С.10–16.

⁹ Элиты и лидеры. . . С.22.

¹⁰ Там же. С.24.

¹¹ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: Монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. С.420, 421.

¹² Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. . . С.52–53.

¹³ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991). Пермь, 2013; Его же. Трансформация региональной политической элиты в переходный период: некоторые тенденции // *На путях политической трансформации*. М.: МОНФ, 1997. Вып.8. Ч.2. С.80–92; Его же. Эволюция политической элиты России (1950-1990). Пермь, 1998.

¹⁴ Куприянычева Э.Б. Указ.соч.

¹⁵ Покатов Д.В. Указ.соч. С.38.

¹⁶ Там же. С.39.

¹⁷ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. . . С.53.

¹⁸ Самарцы в Москве: страницы истории самарского землячества / Рябов В.В., Кабытов П.С., Козловская Г.Е. и др. Самара: ООО «Офорт», 2011. 244 с.

¹⁹ Наякшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1962; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998). М.: Наука, 2000 и др.

²⁰ Кабытов П.С. Система повышения квалификации и переподготовки работников образования в Среднем Поволжье. Самарский регион: история и современность. (1933-2008 гг.). Самара: ГОУ СИПКРО, 2008; Козловская Г.Е. Российское образование на рубеже

веков. М.: МГПУ; ОАО «Моск.уч.», 2001; Марченко Г.И., Носков И.А. Имидж в политике. М.: ВЛАДОС, 1997.

²¹ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту... С.51.

²² Чирикова А.Е. Указ.соч. С.52–53.

²³ Там же. С.48, 49.

²⁴ Казаков М.А., Лысцев М.С. Региональные элиты и национальные интересы современной России: Монография. Н.Новгород: «Дятловы горы», 2012. С.14; см. также: Казаков М.А. Процесс становления региональных политических элит России: монография. Н.Новгород: Изд-во ВВАГС, 2010.

²⁵ Куприянычева Э.Б. Указ.соч. С.116.

²⁶ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность... С.432.

²⁷ Там же. С.453.

²⁸ Мясоедова В.А. Образование как социальный лифт элитогенеза современной России: Монография. М.: МАКС Пресс, 2012. С.171.

²⁹ Там же. С.173.

³⁰ Охотский Е.В. Политическая элита. М.: Луч, 1993. С.11.

³¹ Степанков В.В. Политическая элита в истории: проблема определения сущности// Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. №3. С.112–117 (URL: http://vestnik.udsu.ru/2013/2013-053/vuu_13_053_16.pdf, дата обращения – 20.09.2013).

³² Куприянычева Э.Б. Указ.соч. С.116.

³³ Чирикова А.Е. Указ.соч. С.38–39.

³⁴ Чухонкин А.Ю. Руководители города Самары (Куйбышева) с 1918 года: Биографический справочник. Самара: ООО «Самарский дом печати», 2010. 160 с.

³⁵ Коммунистическая партия в портретах ее самарских лидеров. 1917–1991 гг. Биографический справочник. Самара: ООО «БМВ и К», 2010. 204 с.

³⁶ Самарская Губернская Дума. 15 лет (1994–2009). Самара: «ДСМ Принт», 2009. 256 с.

³⁷ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев: Куйб.кн.изд-во, 1983. 520 с.; Шагай вперед, комсомольское племя: Очерки истории Куйбышевского комсомола. Куйбышев: Куйб.кн.изд-во, 1974. 383 с.

³⁸ Мельник С. Улицы памяти. Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2005. 152 с.

³⁹ Имена и судьбы. Самара: «Волжская коммуна», 2001. 457 с.; Имена. Самарская губерния: лица эпохи. Самара: «Европринт», 2002. 136 с.; Имена. События. Легенды: Энциклопедия Самарской губернии. Самара: «Агни», 2011. 207 с.; Самарцы в Москве: страницы истории самарского землячества...; Тольятти. Истории успеха. Тольятти: «Ника», 2011. 223 с.

⁴⁰ Там же.

Ю.В. Арапова*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМАРСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В конце XIX – начале XX вв. экономическое положение города Самары заметно улучшилось. Об этом свидетельствует тот факт, что за десятилетие с 1892 по 1901 гг. доходы города выросли на 30%. К 1901 году бюджет города Самары достиг 1,5 млн. рублей¹. Пропорционально увеличились и расходы, в частности Думе приходилось выделять средства на дорогостоящее благоустройство города (водопровод, канализацию, трамваи и т.д.) Возросли вдвое расходы на образование и здравоохранение. Во многом благоприятное влияние оказала организация местного городского самоуправления по Городовому положению 1892 года.

Доходы города делились на доходы обыкновенные и доходы чрезвычайные. Отчетные данные на 1897 год свидетельствуют о том, что более 66% основной прибыли города Самары поступало от обыкновенных городских доходов, тогда как в некоторых городах со сравнительно развитым бюджетом около половины всех доходов приходилось на чрезвычайные².

К обыкновенным относились: доходы с городских недвижимых имуществ и оброчных статей, оценочного сбора с недвижимых имуществ, с документов на право производства торговли и промыслов, с трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавочек, с извозного и перевозного промыслов, с засвидетельствования представлений к взысканию различных актов, а также мелочные и случайные доходы. По отчетным данным на 1897 год 65,6 % от всех обыкновенных городских доходов приходится на поступления с оброчных статей и с городских недвижимых имуществ³.

В соответствии с Городовым положением в компетенцию городской власти входило распоряжение городским имуществом. Дума имела право на приобретение, отчуждение недвижимого имущества, а также вступать в различные договорные отношения. В общем пользовании городского общества находились улицы, мосты, набережные, тротуары и т.д.

Нередки были случаи опротестования постановлений городской Думы губернской администрацией, связанных с арендными отношениями, продажей земельных участков, имущественным наймом, иногда протесты были обусловлены постановлениями Думы, в которых речь шла о передаче имущества в пользование тех или иных лиц.

Имели место и случаи пожертвования городу. Так, 9 декабря 1893 г. самарской купеческой вдовой Е.И. Кирилловой пожертвованы городу Самаре «для учреждения в Самаре ремесленной школы» дворовое место по Соборной улице с каменными лавками и другими постройками и 50 тыс. руб. на строительство и содержание школы. Ремесленное училище получило

* © Арапова Юлия Викторовна – магистрант II курса Самарского государственного университета.

имя купца Д.В. Кириллова, в память о котором было сделано дарение⁴.

Чрезвычайные городские доходы поступали из городских капиталов, прибылей из городских банков, от казны, от оборотных средств, а так же из каких-либо других источников. Большую часть поступлений составляла прибыль из городских банков. Так в 1897 году от общей суммы чрезвычайных доходов она составляла 44 %.

За десятилетие 1897 – 1907 гг. городские доходы увеличились на 45 %, что свидетельствует об экономическом росте города, который происходил не без активного участия органов местного самоуправления.

Предметами городских расходов в основном являлись расходы на содержание городского общественного управления, содержание городских общественных зданий и памятников, уплата сумм по городским займам и обязательствам, выдача пенсий, содержание учебных заведений, содержание благотворительных заведений, содержание других общественных заведений, пособие казны, отправление воинского постоя и других воинских потребностей, отопление и освещение тюрьмы; содержание городского врача и других лиц медицинской службы, содержание городских чинов городской полиции, содержание полицейской и пожарной команд, содержание и устройство мостовых, мостов и переправ; освещение города, оборотные расходы, расходы по строительной части, а также расходы по другим городским надобностям. Согласно отчетным данным на 1897 г. основными статьями расхода для городского бюджета, порядка 45,9 % от общего числа, являлись расходы на содержание городских общественных зданий и памятников и оборотные расходы.

За период с 1897 г. по 1907 г. затраты города Самара повысились на 42 %⁵, пропорционально увеличивалась и прибыль.

Городская Дума выносила распоряжения об отводе мест для организации торговых заведений, об открытии постоянных дворов, трактиров, лавок и прочих заведений, следили за санитарным состоянием торгово-промышленных заведений.

В 1897 г. в городе прошло 3 ярмарки, на которые привезено товаров на 383 000 руб., а продано на 196 000 руб.⁶ Главнейшими предметами торговли были мануфактурный; галантерейный, бакалейный и лошади. Первая ярмарка называлась «Сборная» и проходила со 2-ой недели Великого поста в течении 10 дней стоимость привезенных товаров составляла 60 000 руб., а продано лишь половина товаров. Вторая под названием «Казанская» открылась 8 июля. В течении 8 дней было продано товаров на 6 000 руб. из 13 000 руб. привезенных. Последняя «Воздвиженская» длилась 10 дней с 11 сентября. За это время реализовано товаров на 160 000 руб. из 310 000 руб.⁷ Самой прибыльной была осенняя ярмарка, на которой жители города вели заготовки сельскохозяйственной продукции к зиме.

Таким, образом одной из наиболее важных статей дохода города Самары являлась прибыль с документов на право производства торговли и промыслов – свидетельств для приказчиков, для членов купеческих семейств, промысловых свидетельств, свидетельств на мелочный, развозный и разно-

сний торг, билетов разных классов, ярмарочных документов. Например в 1897 г. прибыль с выдачи составила 23 562 руб., что составило 3,2 % от всего дохода города.

Согласно журналам заседаний Самарской городской думы, вопросы благоустройства города занимали ведущее место в повестке дня, но Дума заботилась и о развитии народного образования, здравоохранения, а также принимала меры по предотвращению пожаров. поэтому в бюджете Думы присутствовала статья расходов на содержание и оснащение пожарной команды. Так например, в 1896 году Дума выделила на эти цели 37 947 руб., в 1897 г. эта сумма несколько сократилась и составила 37 587 руб.

Чаще всего пожары вспыхивали в летние месяцы. В документах Думы фиксируется, что их причинами были плохое устройство печей и труб, неосторожное обращение с огнем, поджоги и т.д. Наиболее действенными мерами, предупреждения распространения пожаров были: правильное расположение возводимых построек, запрет самовольного застраивания площадей и надзор за исполнением изданных Губернским земством правил, Дума и земство организовали взаимное земское страхование жителей от пожаров.

Городские власти прилагали немало усилий для развития народного здравоохранения. Жителям Самара оказывалась бесплатная медицинская помощь. Из городского бюджета выделялось почти 4 000 руб. в год на содержание городского врача и других лиц медицинской службы. В 1907 г. на борьбу с эпидемией холеры Самарская городская Дума израсходовала 25 759 руб. 59 коп.⁸

Городская Дума и управа выделяла более 70 000 руб. в год на развитие народного образования. В 1897 г. на содержании городского бюджета находились 1-ое городское 4-х классное училище, 2-ое городское 4-х классное училище, 9 приходских училища и т.д.

По обязательному постановлению о производстве извозного промысла в городе Самара, городской извоз во всех его видах подчиняется установленным правилам и представлен тремя видами: легкой извоз (езда в одноконном оглобельном экипаже); езда в дышловых парных и оглобельных троечных экипажах; ломовой извоз. По сведениям городской управы, в 1887 году в Самаре числилось 623 легковых и 811 ломовых извозчиков, а в 1913 году – 450 и 1600 соответственно. Количество легковых извозчиков сократилось, видимо, в связи с появлением в 1895 году конно-железной дороги, или конки. Самарская Дума в мае 1899 года постановила разрешить Обществу перейти с конной тяги на электрическую, с тарифом за проезд в пределах 5-10 копеек. А в 1915 году в Самаре начал действовать ещё один вид городского транспорта – трамвай. Установленная такса на взимание за езду легковыми и ломовыми извозчиками на 1897 г. составляла: на рессорных экипажах – руб. в день, а в санях – 2 руб. в день. Такой вид деятельности приносил городскому бюджету более 2 000 руб. в год⁹.

При анализе социально-экономической деятельности Самарской городской Думы в конце XIX – начала XX вв. можно сделать вывод о том, что год

от года возрастали доходы и расходы города. Исследование источников формирования городских бюджетов показывает, что гласные городской Думы старались сократить обязательные расходы и одновременно пополнить местный бюджет, это происходило под жестким контролем и опекой губернской администрации.

Примечания

¹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 64. Л. 12. С. 53

² Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX– начале XX века. СПб., 1994. С. 51

³ Памятная книжка Самарской губернии на 1899 г. Самарской губернии. Издание Губернского Статистического Комитета. Самара. Изд-во Губернская типография С. 91

⁴ Журналы Самарской городской Думы за 1893 год. С. 568-569, 639.

⁵ Памятная книжка Самарской губернии. Издание Губернского Статистического Комитета. Самара. Изд-во Губернская типография. 1909 г. С.

⁶ Памятная книжка на 1899 г. Самарской губернии. Издание Губернского Статистического Комитета. Самара. Изд-во Губернская типография С. 98

⁷ Памятная книжка на 1899 г. Самарской губернии. Издание Губернского Статистического Комитета. Самара. Изд-во Губернская типография С. 99

⁸ Памятная книжка Самарской губернии на 1909 год. Издание Губернского Статистического Комитета. Самара. Изд-во Губернская типография. 1909 г. С. 17

⁹ Памятная книжка Самарской губернии на 1899 год. Издание Губернского Статистического Комитета. Самара. Изд-во Губернская типография. 1899 г. С. 178

СОДЕРЖАНИЕ

Кабытов П.С., Барина Е.П. Проблемы изучения и воссоздания дворянских усадеб	4
Кондрашин В.В. В.П. Данилов – историк и гражданин	16
Кабытов П.С. Проблемы аграрной истории в научных трудах Г.А. Герасименко	27
Кабытова Н.Н. Крестьянские организации 1917 года в трудах отечественных историков	48
Козловская Г.Е. Эволюция региональной элиты Куйбышевской области в 1960-е – 1980-е гг.: вопросы исторической реконструкции	57
Арапова Ю.В. Социально-экономическая деятельность Самарской городской Думы в конце XIX – начале XX вв.	68

